

РОВЕСНИК 10
1981

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Октябрь, 1981, № 10

**ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ
ОЧЕРКИ, РЕПОРТАЖИ, ФЕЛЬЕТНЫ
О ПОПЫТКАХ МИЛИТАРИЗАЦИИ
СОЗНАНИЯ И ПСИХИКИ
МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ АМЕРИКИ**

На первой странице обложки: как не подумать, глядя на эти лица: молодость всегда прекрасна! Задумчивая и веселая, грустная и беззаботная, сосредоточенная и мечтательная, она залог вечного обновления и продолжения жизни. И как не пожелать ей счастливого будущего под ясным, мирным небом — самого драгоценного достояния человечества.

4. **Футаба Китама.** Я РЕШИЛА, ЧТО ПРИШЕЛ МОЙ ПОСЛЕДНИЙ ЧАС
6. **НИКОГДА!**
8. **Джон Аристотель Филлипс.** КАК Я ИЗОБРЕЛ АТОМНУЮ БОМБУ
12. **Питер А. Лэйк.** ШКОЛА, ГДЕ УЧАТ УБИВАТЬ
14. **Элиот Фремонт-Смит.** УРОК «ИСТОРИИ»
16. **Тим О'Брайен.** ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА
20. «ПРОЙДИ С НАМИ ХОТЯ БЫ КИЛОМЕТР»
24. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
26. **Николай Баратов.** ДОН-КИХОТ ИЗ БРЮССЕЛЯ
29. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ КРУПНЫМ ПЛАНOM

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 17.08.81. Подп. к печ. 29.09.81. А01434. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,56. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 1 220 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1323.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

АНКАРА. Треть безработных, зарегистрированных на турецкой бирже труда, составляет молодежь в возрасте от 20 до 24 лет. Как указывает турецкое информационное агентство АНКА, в большинстве случаев это юноши, демобилизованные после службы в армии, а также выпускники школ и вузов. Безработица — одна из главных социальных проблем сегодняшней Турции. По официальным данным, число безработных в стране достигает почти трех миллионов человек.

БЕРЛИН. Миллион квалифицированных специалистов пополнили рабочий класс ГДР в минувшем пятилетии. Столько юношей и девушек получили за это время свидетельства об окончании профессиональных училищ.

БЕЛГРАД. Во время летнего трудового семестра на десятках строек СФРЮ работали молодежные отряды югославских студентов и школьников старших классов. Среди этих строек — вторая очередь Смедеревского металлургического комбината, автомагистраль Белград—Ниш, укрепление защитных дамб на реках Сава и Ибар, олимпийские объекты в Сараеве, комплексы новых жилых домов в Которе и Баре — черногорских городах, пострадавших от землетрясения. В строительных отрядах работает молодежь и из других стран, в том числе из Советского Союза. Советские студенты, например, принимали участие в строительстве гидроэлектростанции «Джердап-11», которая сооружается при техническом и экономическом содействии Советского Союза.

ЦЮРИХ. Центр этого швейцарского города стал ареной ожесточенных столкновений молодежи с полицией. На разгон мирной демонстрации были брошены вооруженные дубинками и гранатами со слезоточивым газом полицейские. Несколько десятков человек арестованы, многие ранены. Поводом для демонстрации была первая годовщина со дня разгона полицией в Цюрихе мирной манифестации молодежи, требовавшей обеспечить ей право на жилье.

ТОКИО. Разгневанные жители столицы собрались перед зданием американского посольства в Токио, чтобы выразить протест против посещения портов Японии американскими военными кораблями с ядерным оружием на борту.

На снимке: эти молодые японцы не желают превращения своей страны в американскую военно-морскую базу.

ТАШКЕНТ. Здесь состоялось очередное заседание советско-болгарского клуба творческой молодежи. В нем приняли участие многие молодые советские и болгарские писатели, актеры, композиторы, певцы и художники. Клуб творческой молодежи был создан в 1967 году по инициативе ЦК ВЛКСМ и ЦК Димитровского коммунистического союза молодежи. Его задача — поиск новых форм активного сотрудничества в области литературы и искусства.

ПОРТ-О-ПРЕНС. Как сообщает латиноамериканская печать, более семидесяти процентов детей Гаити в возрасте до пяти лет страдают от постоянного недоедания. Лишь двадцать четыре процента детей школьного возраста посещают занятия. В сельских районах дети начинают работать в поле с пяти лет. В промышленности также варварски используется детский труд. В Гаити много бездомных детей, чьи родители погибли в застенках диктаторского режима Дювалье.

БУХАРЕСТ. В одном из парков столицы Румынии прошла необычная «контрольная работа» на асфальте. Контрольная для юных румынских архитекторов. Им был задан один вопрос: «Каким вы хотите видеть Бухарест?» Дети ответили своими рисунками. Они рисовали дома и парки, площадки для игр и цветы, город, пронизанный солнцем. Один из маленьких архитекторов выразил свои мысли, нарисовав несколько человеческих фигур, несущих плакаты со словом «Мир».

БУДАПЕШТ. Здесь прошел международный фестиваль детских фильмов. В течение недели детвора Будапешта имела возможность встретиться с героями мультипликационных полнометражных «сказочных» картин венгерских режиссеров и мастеров детского фильма других социалистических стран, в том числе Советского Союза.

ТЕЛЬ-АВИВ. Молодое поколение Израиля проявляет все большее недовольство ростом безработицы, нехваткой жилья, небывало высоким уровнем инфляции, повышением цен. В стране резко возросла преступность. Все больше молодых израильтян стремятся бежать из «земли обетованной». По сообщениям западной прессы, каждый месяц более двух тысяч израильтян покидают страну.

На с н и м к е: безработные водители машин регистрируются в конторе по найму рабочей силы.

АДДИС-АБЕБА. Университету Аддис-Абебы исполнилось тридцать лет. Сегодня в его стенах обучается 12 тысяч студентов на дневном отделении и свыше восьми тысяч — на вечернем.

ЛИДИЦЕ. В этом чехословацком городе прошла международная выставка детского художественного творчества. На ней было представлено около 500 рисунков, скульптур и вышивок из 60 стран. Эти работы отражают стремление юных жителей планеты к счастью и миру. Такие выставки проводятся в Лидице ежегодно в память детей, замученных здесь фашистами во время второй мировой войны. Трагедия Лидице напоминает еще раз о необходимости вести неустанную борьбу за счастливую жизнь детей всех стран мира.

РИМ. Русский язык пользуется все большей популярностью в Италии. Только в столице курсы посещают свыше 600 человек, а всего русским языком на специальных курсах занимаются 3500 человек. Кроме того, русский язык изучают в университетах Венеции, Рима, Милана, Турина, Флоренции, Неаполя и других городов. Огромный интерес у итальянцев вызывает телевизионная «Школа русского языка», уроки которой уже второй год передает национальное телевидение.

ЛОНДОН. Целый месяц шли по дорогам Великобритании — от Ливерпуля до Лондона — участники похода «За право на труд». В Гайд-парке, на Трафальгарской площади и прилегающих улицах Лондона к ним присоединились более ста пятидесяти тысяч человек. Руководители похода заявили: «Когда народ требует справедливости и перемен к лучшему, нет на Земле силы, способной остановить его». Они подчеркнули, что марш против безработицы — это начало борьбы против правительства тори и за такое правительство, которое способствовало бы улучшению положения всего народа, а не только предпринимателей. Сокращение ассигнований на военные расходы и увеличение затрат на социальные нужды — таковы альтернативы «преступлению массовой безработицы».

На с н и м к е. «Безработица подобно раковой опухоли поражает общественный организм. Поэтому мы должны вовлечь всех и каждого в борьбу за обеспечение права на мирный труд», — заявили участники массовых митингов в Лондоне.

ВРЕМЯ НЕ

На этом снимке — умерщвленная Хиросима. На этих страницах — рассказ одной из немногих, чудом уцелевших жертв атомной бомбардировки Хиросимы, о предсмертной агонии города. И то и другое — воспоминания о будущем, которое готовят человечеству враги мира.

История вынесла свой приговор варварскому злодеянию, совершенному 6 и 9 августа 1945 года американским империализмом, в результате которого в городах Хиросима и Нагасаки было убито, обречено на мучительную смерть от лучевого поражения и искалечено около четверти миллиона мирных жителей. И приговор этот гласит: атомные удары по японским городам не были вызваны военной необходимостью. Те, кто давал приказы об их нанесении, преследовали совсем иную цель — запугать народы атомной мощью США и утвердить «руководящую роль» Америки в послевоенном мире.

История свидетельствует: этой цели американскому империализму достичь не удалось. Ни атомный шантаж, ни гонка вооружений, ни «холодная война», развязанная против Советского Союза и других социалистических стран, ни попытки задушить национально-освободительные движения не принесли заокеанским претендентам на мировое господство желаемых результатов.

Политике диктата, агрессии и войн противостоит ленинская политика мирного сосуществования и разрядки. Такая политика, знаменосцем которой последовательно выступает КПСС, отвечает жизненным интересам всего человечества.

Начало 80-х годов отмечено новой яростной атакой сил империализма, омрачено призраком новой Хиросимы во всемирном масштабе.

Превратить нашу планету в пустыню, подобную той, что запечатлена на снимке, сделанном 36 лет назад? НИКОГДА!

Я РЕШИЛА, ЧТО ПРИШЕЛ МОЙ ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Футаба КИТАЯМА

ЖДЕТ

Мир — общее достояние человечества, а в наше время — и первейшее условие его существования.

Из Обращения Верховного Совета СССР
«К парламентам и народам мира»

В то утро я была в Хиросиме. Мы, группа женщин, разбирали дома, разрушенные предыдущими бомбардировками, тушили пожары. Накануне ночью опять был налет, и поэтому мой муж заночевал на работе.

Когда мы перешли через мост Цуруми, загудели сирены воздушной тре-

воги. В небе появился самолет — он летел один, высоко-высоко, и солнце играло на его серебряных крыльях. Одна из женщин воскликнула: «Гляньте-ка, парашют!» Я повернулась, и в этот миг небо треснуло и раскололось.

Что было раньше: вспышка или звук, от которого все внутри меня разорвалось? Я не помню. Меня бросило на

землю, вдавило в нее, и на мою голову обрушился мир. Я ничего не видела, было темно. Я решила, что пришел мой последний час. Я подумала о трех моих детях, которых увезли в деревню, подальше от бомбежек. Я не могла двинуться с места, на меня обрушились балки.

Наконец мне удалось выползти из-под них. Я почувствовала страшную вонь и подумала, что разорвавшаяся бомба была одной из тех желтых фосфорных бомб, которые уже падали на другие города. У меня с собой было полотенце, и я прижала его к носу и рту. И увидела, что кожа сошла с лица и осталась на полотенце. О господи, на правой руке кожа висела клочьями, с левой она сошла, как перчатка.

Не знаю, сколько прошло времени. Я сидела на земле. Вдруг я поняла, что все мои спутницы куда-то подевались. Меня охватила паника, я хотела бежать, но куда? Все вокруг было разрушено, горели оконные рамы, крыши и столбы, я не могла понять, где я нахожусь, не могла сориентироваться.

А что случилось с небом, лишь мгновение назад голубым? Оно было не так черно, как ночью, нет, оно было неясным, мутным, как будто черное облако накрыло мои глаза и я вдруг потеряла зрение. Наконец я увидела мост Цуруми и побежала к нему, перепрыгивая через огонь.

В воде брели люди. Невозможно было сказать, мужчины это или женщины, все они были одинаковые: опухшие и сожженные лица, спутанные волосы, они воздевали руки и, крича от боли, бросались в воду. Я почувствовала неистовое желание тоже кинуться в воду, так горело от боли все тело, но я не умела плавать, и я сдержала себя.

Я увидела, что там, за мостом, горит весь район Хэтёбори, и очень удивилась, я думала, что разрушение коснулось только того района, где я была. Я бежала и выкрикивала имена моих детей. Я не знала, куда я бегу. Я бежала через ужас.

Я увидела женщину, все лицо ее было в крови. Она отбивалась от какого-то мужчины, он держал ее и не давал ворваться в горящий дом. Она кричала: «Пустите меня! Там мой сынок!» Под мостом Кодзин, полуразрушенным, его бетонные парапеты были как будто срезаны ножом, я увидела тела людей, плывущие по реке, как мертвые собаки. У воды лежала женщина, она была жива, у нее была оторвана грудь. Я вспомнила, что говорила мне бабушка об аде.

Я блуждала долго и добралась до площади, где проходили военные парады. Все у меня болело, но это была

какая-то странная боль, горела не просто моя кожа, боль шла откуда-то изнутри. На площади были дети, мальчики и девочки, школьники. Как и я, они участвовали в расчистке улиц после бомбардировок. Дети кричали: «Мама! Мама!» — и умирали один за другим. И я ничего не могла сделать, я ничем не могла им помочь, я просто смотрела, как они умирают один за другим.

Я потеряла сознание, потом очнулась и снова пошла. Город горел. Я шла и шла. Я чувствовала, что у меня что-то происходит с лицом, оно как будто окаменевало. Я осторожно дотронулась до него. Оно стало огромным. Я видела все хуже. Я шла.

Я пришла на окраину. Здесь жила моя сестра. Она была жива, только небольшие раны на голове и ногах. Сначала она меня не узнала, потом заплакала. Я плакать не могла. Она погрузила меня на ручную тележку и повезла в центр скорой помощи в Яге. Нам надо было проехать три мили. Мы добрались к ночи. Во дворе лежали горы трупов и раненых. Я провела там две ночи. Сестра говорит, что я все время кричала и звала детей.

Восьмого августа меня отправили в дом моих родственников в деревню Касуми. Деревенский доктор сказал, что я безнадежна. Туда привезли моих детей. Они стояли у моей постели, и я не видела их. Я только узнавала их по запаху, по этому родному запаху. Как хорошо они пахли! Одиннадцатого августа приехал мой муж. Дети закричали от радости, когда увидели его.

Наше счастье кончилось быстро. Спустя три дня мой муж, который никак не был искалечен, на нем не было ни одной раны, умер. Его рвало кровью. Мы прожили с ним шестнадцать лет, а я, сама умирающая, даже не могла своими руками положить его любимую голову на подушку смерти.

И я сказала себе: «Детки мои родные, из-за вас я не имею права умереть». И случилось чудо: я начала выздоравливать.

Зрение вернулось ко мне довольно быстро, через двадцать дней я уже могла смутно видеть лица детей. Ожоги на лице и руках заживали медленней, но все же заживали, но раны все еще гноились. Я смогла ходить только в декабре. И когда в январе сняли бинты, я поняла, что мое лицо и руки изуродованы навсегда. Левое ухо стало в половину меньше, и по всему лицу прошла страшная широкая черная полоса. На левой руке больше нет пальцев, а правой рукой я ничего не могу делать, она атрофирована...

Перевела Н. РУДНИЦКАЯ

ВРЕМЯ НЕ

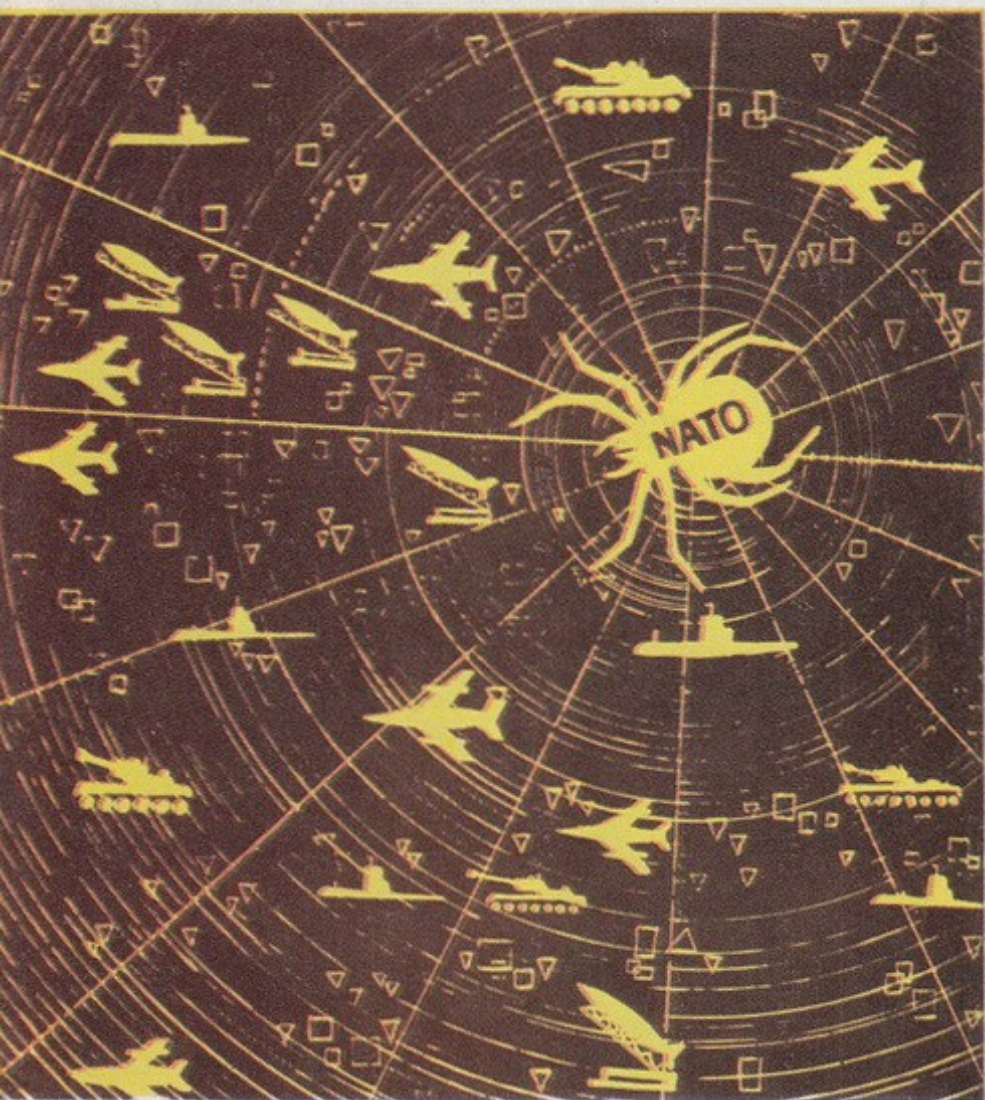
НИКОГДА!

Никогда человечество не допустит всемирной Хиросимы! Предположить иное невозможно, как невозможно представить, что земляне, тысячами ценой невероятных усилий и бесчисленных жертв поднимавшиеся по ступеням цивилизации, подпишут смертный приговор, быть может, единственной во вселенной разумной жизни.

ЖДЕТ

Мир — общее достояние человечества, а в наше время — и первейшее условие его существования.

Из Обращения Верховного Совета СССР
«К парламентам и народам мира»

Кто-нибудь, вероятно, скажет, что это высокие слова, и он будет прав. Но о Жизни и надо говорить высокими словами, о Жизни — любые слова высокие. И разве есть выше слова, чем те, из которых на сотнях языков мира матери складывают колыбельные для своих детей — величайшие гимны Жизни.

На протяжении своей истории человечество всегда сознательно ли, инстинктивно, в страхе ли, негодовании, гневе, но всегда с омерзением, как к каким-то ползучим гадам, относилось к тем, кто сеял смерть. И даже средневековые палачи, бывшие практически механическим орудием чьей-то воли, в глазах средневекового человека представляли отверженными выродками, которым не разрешалось жить среди людей.

Но с какими ужасами средневековья могут сравниться ужасы, которые обрушил в XX веке на человечество порожденный империализмом фашизм, загубивший десятки миллионов жизней! И с какими мифологическими людоедами могут сравниться те, кто сегодня, сейчас хладнокровно прикидывает масштабы потерь, которые понесут народы в случае термоядерного конфликта! При чем ведет свои гнусные подсчеты, используя двойную бухгалтерию, чтобы «успокоить», «утешить», «вселить оптимизм»: в первые минуты войны погибнут, мол, не все, погибнет «всего-навсего» несколько десятков миллионов. И мир терпит эту чудовищную арифметику, а кое-кто и верит в эту чудовищную ложь, исключая себя из числа обреченных миллионов.

Наивные, неумные эгоисты — единственная опора атомных маньяков! Вот как удивительно и страшно проявляется закон капиталистического общества: человек человеку — волк. А ведь, опираясь именно на этот закон, раз-

ворачивает империалистическая пропаганда идеологическую и психологическую обработку тех, кто в конечном итоге будет первым брошен в пламя атомного пожара. Их, правда, становится все меньше, но их еще достаточно много, чтобы не видеть огромной опасности того влияния, которое оказывает на своих одураченных рекрутов империализм.

В Обращении Верховного Совета СССР к парламентам и народам мира говорится: «Людей хотят приучить к преступной мысли о допустимости применения ядерного оружия...»

Каким же образом осуществляется это сознательное развращение? Об этом — статьи и очерки, опубликованные на последующих страницах журнала. Их авторы — американские журналисты и писатели, которые, несомненно, любят свою страну и свой народ, которые, можно быть уверенным, предпочитают капитализм коммунизму, но которые отказываются молчаливо соглашаться со злобным утверждением госсекретаря США А. Хейга, что «есть вещи поважнее, чем мир» и которых ужасает перспектива установления «мирового порядка, совместимого с ценностями Запада», путем «стратегического ядерного конфликта» и ценой гибели в этом «конфликте» «всего лишь» 20 миллионов американцев. Такая чудовищная цена представляется приемлемой, а перспектива — заманчивой советникам новой администрации из Гудзоновского института.

20 миллионов американцев! А сколько советских людей! Экие головорезы, готовые уничтожить 20 миллионов «своих»! А о «чужих» и говорить нечего. Но нам-то — этим «чужим», — разве мало нам наших 20 миллионов жизней, загубленных гитлеровскими убийцами! Мы-то знаем, но знают ли они, что такое 20 миллионов жизней! Что такое одна жизнь!

«Мировой порядок», о котором они пекутся, несовместим ни с действительными ценностями Запада, ни с ценностями Востока. Это мировой порядок Смерти.

От надежд на установление такого порядка, взлелеянных в 50-е годы американским империализмом и породивших «холодную войну», благодаря усилиям народов, а главным образом благодаря росту могущества мировой социалистической системы во главе с Советским Союзом пришлось отказаться, и, как казалось людям, обладающим здравым смыслом, навсегда. Поворот в международных отношениях к сотрудничеству и разрядке дал возможность человечеству вздохнуть с облегчением, обратить внимание на такие общие для всех людей и народов проблемы, как охрана окружающей среды, исследования в области медицины и космоса, обмен культурными ценностями, развитие взаимовыгодной торговли. Но чем успешнее развивались эти процессы, тем яростнее выступали против них так называемые «ястребы», тем усерднее копались они на свалке «холодной войны», извлекая на свет божий давно битые доводы врагов коммунизма, давно осмеянные призраки «советской военной угрозы».

История, увы, ничему не научила их. Пренебрегая ее уроками, они вновь и вновь пытаются столкнуть народы в пучину войны, в пучину смерти. Но разум человечества сильнее, память крепче, воля к Миру и Жизни необоримее. И именно ему адресовано Обращение Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик: «Мир — общее достояние человечества, а в наше время — и первейшее условие его существования. Только совместными усилиями он может и должен быть сохранен и надежно обеспечен».

«Нужно и возможно сделать все, чтобы не допустить новой мировой войны».

Казалось бы, в статье бывшего студента Принстонского университета рассматривается лишь частный случай той смертельной опасности, которая нависла над человечеством с появлением ядерного оружия. Что может произойти, если атомная бомба попадет в руки какого-нибудь террориста или маньяка, — вот мысль, ужаснувшая жизнерадостного американского парня, и он решил обратить внимание американской общественности на такую опасность, действуя, надо сказать, типичным для Америки способом, а именно — оглушив своих сограждан сенсационным доказательством того, что, пользуясь исключительно открытыми источниками информации, можно изобрести атомную бомбу. И «изобрел» ее!

Американцы могут только порадоваться, что это удалось сделать студенту, движимому самыми человеколюбивыми побуждениями. А что, если атомная бомба оказалась бы в руках тех, кто уничтожает негритянских детей в Атланте, или того миллионерского сына, который стрелял в президента Рейгана?

Повседневная действительность Америки свидетельствует о ненормальном обилии людей с изуродованной психикой и человеконенавистническими инстинктами (о причинах этого явления достаточно красноречиво говорится в статьях других американских авторов, опубликованных в этом номере журнала), которые могут пустить в ход не только атомные бомбы собственного изобретения, но и изготовленные вполне индустриальным способом ядерные заряды, оказавшись за штурвалом бомбардировщика с атомным грузом, у пусковой ракетной установки, на атомной подводной лодке и т. д.

Что тогда? Так частный случай приводит к обобщениям, из которых можно, должно и необходимо сделать только один вывод: с атомным оружием необходимо покончить раз и навсегда. Пока не поздно. Время не ждет!

ЧЕРТ ЗНАЕТ ЧТО

Сумрачно. Слякоть. Принстон. Зима. Каждую зиму после Нового года я вижу, что новый год ничем не отличается от старого, и впадаю в уныние.

Клуб «Треугольник» отверг сценарий капустника, написанный мной и

ВРЕМЯ НЕ

КАК Я ИЗОБРЕЛ АТОМНУЮ БОМБУ

Джон Аристотель Филлипс

другом Дэвидом. Три ветерана «Треугольника» успели протащить свой вариант. Я затеял скандал, но это ничего не изменило.

Я потерял бумажник. Ободрал мотоцикл. Два раза подряд надел свитер наизнанку. В довершение всего я не готов к экзаменам. С ужасом сознаю, что не мешало бы сходить хоть на пару

лекций по механике. На «эй»¹ я уже не надеюсь, и чем ближе экзамены, тем

¹ В высших учебных заведениях США применяется система буквенных обозначений оценок. Градация соответствует порядку букв английского алфавита. Эй — первая буква. Би и си следующие. — Здесь и далее примеч. ред.

ниже мои запросы. Сначала я соглашаюсь на «би», потом на «си», а под конец молю бога, чтобы профессор сжалился и хотя бы засчитал ответ.

Две ночи подряд накачиваюсь кофе, корплю над учебниками. Когда вхожу в аудиторию, в глазах у меня расплывается, авторучка валится из рук. Я засыпаю, голова падает на стол. Потом я чувствую, как меня трясут за плечо. Я открываю глаза и вижу огромное розовое пятно. (Что это?) Я узнаю свой ластик. За плечо трясет профессор и говорит, что экзамен окончен. Он предлагает написать объяснительную записку, и я пишу: «Клянусь честью, во время экзамена я заснул. Поэтому не отвечал и не был заслушан». Остальные экзамены прошли не лучше, и две недели спустя я получил по почте список славных оценок: «ди», «фи». В конверте я обнаружил также записку из деканата, в которой сообщалось, что мне дают испытательный срок. Все это означало, что меня вышвырнут из Принстона, если я завалю и следующую сессию. Черт знает что!

ЦЕНТР ОГНЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Занятия в полном разгаре. Мне начинает нравиться учиться. Три раза в неделю я шагаю вдоль белых стен подземных переходов Института международных отношений имени Вудро Вильсона. Старые карты министерства обороны и черно-белые поверхности конференц-зала. Здесь проходят наши семинары. Здесь же воображаемый командный пункт, откуда начнется третья мировая война. Эту аудиторию я окрестил центром огневого управления.

Название нашего предмета — «Ядерная стратегия и контроль над вооружением». Под руководством трех знаменитых ученых мы с жаром дискутируем о потенциале контрудара и обсуждаем сценарий будущего светопредставления.

Руководит семинаром Хэл Фейвесон, самый популярный преподаватель в Вудро Вильсоне. Он большой насмешник и великолепно знает предмет. Хэлу помогает Марти Шервин, бесспорный авторитет в дипломатии «холодной войны». Третий — Фримэн Дайсон, физик с мировым именем. Помимо теоретической физики, Дайсон занимается проблемой контроля над вооружением. Он похож на дипломата и говорит с английским акцентом, ходит с огромным саквояжем, набитым бесчисленными клочками бумаги, которые подолгу ищет. Как нерадивый студент я с удовольствием отмечаю, что столь знаменитый человек оказывается рассеянным.

Семинар начал Фейвесон.

— Сегодня мы поговорим об истории создания атомной бомбы и о борьбе США за ядерную гегемонию на мировой арене. Но прежде Фримэн расскажет, что такое ядерный взрыв. Так вы лучше представите, с чем имеее дело.

— Хотя подобное начало, — заметил Дайсон, — вряд ли доставит нам удовольствие. Многие считают, что ядерный взрыв — попросту взрыв мощнее обычного, неядерного. Это так, если вы Гарри Трумэн и пытаетесь объяснить, что мы сделали с Хиросимой и Нагасаки. Ясного представления о том, что происходит на самом деле, подобный подход не дает. Думаю, что, кроме фейерверков, взрывов вы не видели. Чтобы понять, что такое атомный взрыв, его нужно увидеть... или испытать на собственной шкуре. Атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, были по 20 килотонн. В атомных монстрах сегодняшнего дня подобные бомбы применяются как запалы.

Теперь о самом взрыве. Небо озаряется ярким светом. Атмосфера раскаляется добела. Над землей поднимается огненный шар. Наблюдателю он кажется ярче тысячи солнц.

По мере того как шар поднимается вверх, он превращается в грибообразное облако. Горючие материалы, находящиеся в районе взрыва, воспламеняются. Высокая температура воздуха вызывает ударную волну и радиацию: гамма-лучи, потоки нейтронов, альфа- и бета-частицы. Нейтроны и гамма-лучи проходят сквозь бетонные стены в полметра толщиной. Ударная волна все сравнивает с землей. Ураганские ветры врываются в вакуум, образованный ударной волной. На воздух поднимаются обломки домов, стекла и стали. Эти смертоносные осколки разлетаются далеко от места взрыва...

Все затаили дыхание. Казалось, атомная бомба лежит в аудитории и вот-вот разорвется.

— Боюсь показаться циничным, но разговоры о разоружении остались разговорами, и у нас до сих пор есть атомные бомбы, — сказал я.

Фейвесон кивнул:

— Да, с разоружением существует ряд опасных сложностей... Но сейчас поговорим о другом. Предлагаю гипотезу. Заметьте, для самодельной атомной бомбы достаточно и семи килограммов плутония. В США циркулирует достаточное количество плутония, чтобы наделать тысячи таких бомб. А теперь представьте: по дороге к ядерному реактору исчезает сто килограммов плутония. Две недели спустя атом-

ная бомба мощностью в одну килотонну взрывается в Нью-Йорке на Уолл-стрит. Сто тысяч убитых. Страшные разрушения. Какой-то шантажист заявляет, что в течение недели будет произведен следующий взрыв, если президент не удовлетворит его требования.

— Мистика. Не может быть, — говорит один из студентов.

— Он не сможет сделать бомбу, даже если у него будет плутоний, — говорит другой.

— Надо иметь семь пядей во лбу, — добавляет третий.

— Невозможно! Почти невозможно.

КОРНИ АТОМНОГО ГРИБА

Невозможно? Или — да? Почему бы и нет? Если информация и компоненты столь доступны...

На этой неделе я встретился с Дэвидом, и мы обедали вместе. За столом я с ужасом замечаю, что булочка с маслом в руке Дэвида напоминает атомный гриб.

— Сегодня ты не в себе, — говорит мне Дэвид.

— Ничего подобного.

— Тогда в чем дело? Опять засыпался?

— Забавно. Один наш профессор утверждает, что скоро гангстеры освою атомную бомбу. Каково?

— Я только что прочел об этом целую книгу. Когда-нибудь слышал о Джоне Макфи? «Кривая ядерной энергии»?

— А подробнее?

— Он утверждает, что можно за просто стащить плутоний или уран, предназначенные для ядерного реактора, и сделать атомную бомбу.

— Боже, то же самое говорит Фейвесон.

— Безумно интересная книга. Вышла в 1973 году. Отлично написана.

— Она у тебя?

— Да. Поищу после обеда.

— Нет, сейчас. Для меня это очень важно.

Я не читаю — проглатываю книгу Макфи. Каждая страница — откровение. Атомный терроризм — реальность! Я в ужасе.

В голову приходит нелепая и блестящая идея. Предположим, средний — в моем случае слабый — студент университета сконструирует атомную бомбу. Это наглядно докажет, что охрана ядерного сырья — вопрос жизни и смерти. Иначе говоря, если атомную бомбу смогу сконструировать я, ее сможет сконструировать каждый. Идея тем более абсурдна, что на ее осуществление у меня менее двух месяцев. Через два месяца истекает срок

сдачи курсовых работ. Мне полагается консультант, но кто согласится на эту авантюру?! После семинара я подошел к Дайсону.

— Вы серьезно? — спрашивает Дайсон.

— Совершенно серьезно, сэр, — отвечаю я.

— Хорошо, Джон. Я с радостью помогу вам. Но почему не взять другую тему?

— Если мне повезет, я наглядно докажу необходимость усиления охраны ядерного сырья.

— Понимаю.

Я вижу, что он начинает воспринимать меня всерьез.

— Я дал подписку не разглашать определенные сведения. Я не смогу сказать больше того, что есть в библиотечных книгах.

— Я понимаю, сэр.

— Не называй меня сэр. Меня зовут Фримэн.

— О'кэй, Фримэн.

— В конце недели я передам тебе список необходимых книг. Желаю удачи.

Вскоре, возбужденный, я появился на факультете и под пристальным взглядом секретарши с трудом вывел: «Джон Аристотель Филлипс. Консультант доктор Фримэн Дайсон. Как сделать атомную бомбу».

ШАЖОК — ШАГ — НОГА ВВЕРХ

Вечер. Я и Дэвид идем заснеженными дворами к театру Маккартера на репетицию «Треугольника». Хотя наш сценарий отвергли, нас включили в состав труппы. Название шоу — «Деньги простаков». Действие происходит в Чикаго двадцатых годов. В конце первого акта наша команда из пяти человек, разодетая под девиц кордебалета, выскакивает на сцену. Каждый год этот номер проходит на «ура».

Мы на сцене. Яркий свет. Обслуживающий персонал пьет пиво, курит и потешается над нами.

— О'кэй, достаточно! — кричит директор. — Переходим к танцу.

— Танец! — кричит менеджер.

Звучит музыка. Мы приходим в движение. Нога вверх, раз, два, три, нога вверх, раз, два, три. Шажок — шаг — нога вверх, шажок — шаг — нога вверх. Музыка убыстряется. Я сбиваюсь со счета. Мы беремся за руки и дрыгаем ногами. Я никак не могу попасть в такт.

— Стоп! Музыка, стоп! — ревет директор.

Мертвая тишина. За стеной света раздаются шаги. Кто-то хихикает. Директор некоторое время смотрит на меня и рывкает:

— Филлипс, человеку, считающему себя танцором, для начала следовало бы научиться ходить.

ШАГ ЗА ШАГОМ

Я начинаю думать о себе как об ученом-атомщике, делающем первые шаги к открытию, с той лишь разницей,

что меня преследует атомный кошмар.

В конце недели я встретился с Фримэном Дайсоном. Мы пообедали в клубе «Айви», потом Фримэн вручил мне короткий список книг: технология ядерного реактора, общая ядерная физика, современная ядерная теория.

— Это все?! — спросил я.

— Для начала достаточно. И запомни, Джон, задача состоит в том, чтобы узнать, как далеко ты можешь зайти без помощи секретной информации.

Во время второй нашей встречи я уже рассказывал Фримэну принципы ядерной реакции.

— Очень хорошо, Джон, — сказал Фримэн, — теперь ты готов к самому интересному. — И порекомендовал еще пару статей.

По мере того как шла подготовительная работа, комментарии Фримэна становились все уклончивей. Если я спрашивал, верна ли моя схема или полученный результат, он улыбался и менял тему разговора. Я решил, что таким образом он давал понять, что я на верном пути. Однажды я предложил ему заведомо неверный результат. Он улыбнулся и сменил тему разговора.

КЛУБ АТОМНОГО ГРИБА

Начались весенние каникулы. Дэвид и я отправились в Вашингтон. Я хотел порыться в архивах Комиссии по атомной энергии. Национальная служба технической информации снабдила меня серией документов, досконально разбирающих проблемы, с которыми столкнулись создатели первой атомной бомбы. Среди документов оказались разработки, выданные физикам, присоединившимся к работе в 1941 году. Вся стопка стоила мне двадцать пять долларов. За контрольным столиком почтенная дама проглядела названия брошюр.

— Вы тоже делаете атомную бомбу? — спросила она голосом наставницы младшей группы бойскаутов.

— Нет, это для курсовой.

Я расплачиваюсь и ухожу... как многие другие до меня... и после меня. Чем больше я об этом думаю, тем яснее становится: вступить в клуб атомного гриба так же просто, как в младшую группу бойскаутов!

— Это поможет тебе больше, чем мои советы, — сказал Фримэн, увидев все эти трофеи. — Через пять недель я жду твой проект.

ВСТУПЛЕНИЕ В КЛУБ

Клуб атомного гриба. Комнатка на втором этаже. Огромный стол завален книгами, калькуляторами, миллиметровкой, записками. На полу спальный мешок. В пепельницах горки окурков. Это моя штаб-квартира. Уже три недели, как я не хожу на занятия. Стараюсь не обращать внимания на шум за дверью. Поначалу дело идет медленно. Я часто выключаюсь и тупо смотрю на

первые почки магнолий за окном. Когда начинаю зевать, спускаюсь на кухню и наполняю термос новой порцией кофе. Я перестал ходить в столовую, довольствуюсь сэндвичами. Меня дразнят «хобо»¹ за щетину и всклокоченные волосы. У меня красные глаза. Я почти не сплю.

Дни и ночи сливаются воедино в чашках кофе. Я учусь выуживать из документов информацию, до сих пор остающуюся секретной. То, чем я занимаюсь, напоминает разгадывание кроссворда, который уже отгадан другими. Мне известны только концевые слова, и я постепенно заполняю середину.

Через две недели в кроссворде остается всего одна незаполненная строчка: название взрывчатого вещества для запала.

Сплю меньше, кофе потребляю больше.

По иронии судьбы дата шоу «Треугольника» и день сдачи курсовой совпали. Я постоянно опаздываю на репетиции. На сцене допускаю непростительные промахи. Например, ухожу в себя и не замечаю, что номер закончился и я на сцене один. Все в группе, за исключением Дэвида, который знает про бомбу, думают, что я чокнулся. До сдачи курсовой всего неделя. Взрывчатое вещество пока неизвестно. Каждый документ прочитан по десять раз. Ничего. В комнату вползает утро. Рассвет меня подгоняет. Кофе, еще кофе. Мне предстоит оформить проект: нарисовать бесчисленное количество схем, показать каждый элемент бомбы в разрезе и с разных углов. Меня шатает от головной боли. Я начинаю верить, что на этот раз меня вышибут из Принстона.

Будильник падает со стола и разбивается. Я воспринимаю это как знамение и решаю начать все сначала. Шаг за шагом я опять заполняю клеточки кроссворда. Нахожу и исправляю ошибки в расчетах.

Заснуть не могу. По ушам хлопучками бьет собственный кашель. Я теряю чувство времени.

«ДЕВОЧКИ» КОРДЕБАЛЕТА

Генеральная репетиция в «Треугольнике». Взявшись за руки, «девочки» дрыгают мускулистыми ногами. Вправо — влево. Шажок — шаг — нога вверх... правая нога, левая нога... раз, два, три, нога вверх... правая нога, левая нога. Пока все хорошо. Даже лакированные красные туфли на высоком каблучке не могут мне помешать. Вся труппа смотрит на нас и хохочет.

Мы разодеты в голубые женские купальники с блестками и серебристые колготки. На голове огромные цветы из красного крепа. Предполагается, что это розы в расцвете. Я задел розой о притолоку. Она перекосилась и теперь в такт шажкам и подпрыгиваниям

¹ Бродяга (англ.).

сезжает на правый глаз. Дэвид косится на меня и ухмыляется. Шаг, нога вверх, шаг, нога вверх. Фальшивая грудь отвалилась и болтается на бечевке.

Шаг вправо, нога вверх... шаг влево, нога вверх. Мы на краю сцены. Руки скрещены. Музыка. Мы дрыгаем в унисон — дюжина серебристых мужских ног взлетает в свете прожекторов. Вся труппа ревет от восторга и бешено аплодирует... Стоп! Взрывная волна? Должно сработать. Надо попробовать... Шаг, нога вверх, шаг... Конечно, волна!

ЗВОНОК «ДЮПОНУ»

Я пробегаю цепочки математических расчетов расположения взрывчатого вещества вокруг плутония. Все верно. Но само взрывчатое вещество мне пока неизвестно. Я решаю позвонить в отделение взрывчатых веществ корпорации Дюпона. Затея сумасшедшая. Но может, что-нибудь да удастся вытянуть из них. Достаточно намека. Об остальном нетрудно догадаться.

За полночь. Работа должна быть сдана до 17.00. В запасе семнадцать часов. За это время нужно успеть закончить чертежи и дописать текст. Я тешу себя надеждами, что «Дюпон» даст мне нужную информацию.

Проваливаюсь в ночь. Разбросанные кубики кроссворда постепенно скрепляются в схему. К десяти утра я знаю, что, если «Дюпон» не подведет, к 17.00 проект будет готов.

Спускаюсь к телефонной будке и набираю номер мистера Грейвза, заведующего отделением взрывчатых веществ «Дюпона» в Делавере. Трубку берет секретарь и соединяет меня с шефом.

— Грейвз слушает.

— Хелло, мистер Грейвз. Меня зовут Джон Филлипс. Я студент Принстона. Провожу исследование по взрывчатым веществам. Мне нужен ваш совет. Если вас не затруднит...

— Чем могу помочь?

— Дело вот в чем, — я медлю, — меня интересует проблема создания высокого давления в сферических оболочках.

— Понимаю.

— Не могли бы вы сказать, какое из веществ, выпускаемых вашей фирмой,

наилучшим образом подходит для этой цели?

— Конечно, — говорит он, — мы поставляем армии (и он называет вещество). Они используют его в атомной бомбе. Та же проблема с плотностью, что и у вас.

— Неужели? — Я стараюсь не выдать волнения.

— Возможно, это поможет вам, мистер Филлипс.

— Конечно, конечно, большое спасибо, сэр.

— Рад помочь.

Я вешаю трубку и издаю торжествующий вопль. Мистер Грейвз, как я подозреваю, только что выдал мне секретную информацию. Итак, каждому, кто позвонит, он может сказать то же самое!

ПРОЩАЙ, ПРИНСТОН

Пять минут пятого. Я вхожу в деканат. Разговоры прекращаются, и все смотрят на меня. Я не понимаю почему. Потом вспоминаю, что неделю не брился.

— Филлипс, каким ветром тебя занесло? Старик Хендерсон сказал, что ты прогулял его курс, и мы были уверены, что тебя вышибли.

— У вас сломалась бритва? — произносит ледяным тоном мисс Херинг, наша накрахмаленная секретарша.

Я подхожу к ее столу, на котором стоит ящик с курсовыми. Аккуратная стопка работ, анализирующих такие захватывающие и противоречивые явления, как «поведение охлажденного гелия» и «еще один способ доказательства закона Кулона». Я кладу свои тридцать четыре странички, которые озаглавлены теперь «Оценка проблем, с которыми может столкнуться неядерная держава при создании атомной бомбы».

Вдруг я чувствую себя опустошенным. Все кажется нелепым. Секретарша смотрит на меня, словно нянька на тяжелого пациента. Дичь! Я низко кланяюсь ей и витиевато с английским акцентом говорю: «Рыцарь острого подбородка шлет Даме накрахмаленной юбки прощай...»

Все смотрят на меня, разинув рты. Кто-то опять говорит, что «Филлипса вышибли».

Неделю спустя захожу за курсовой. Быстро проглядываю строку. Моей работы нет. Ясно, работа не аттестована, и, наверное, Дайсон взял ее, чтобы не огорчать меня. Конечно. Вышибли. Я вижу, как раскрываются атомные зонтики и хлещут радиоактивные дожди...

МАННА НЕБЕСНАЯ

В середине недели я опять иду в деканат, надеясь упросить декана дать мне рекомендацию в другой университет.

— Вы Джон Аристотель Филлипс? — спрашивает Дама накрахмаленной юбки.

— Да. Я хотел бы узнать, у себя ли декан?

— Так вы тот парень, который изобрел атомную бомбу? — спрашивает она, будто не расслышала моего вопроса. Кажется, она ждет объяснений по поводу прогулов.

— Конечно, я прогуливал, — говорю я. — Но у меня уважительная причина.

— Так вы Джон Аристотель Филлипс, да или нет?

— Да...

Она делает глубокий вздох.

— Разбирается вопрос, не следует ли правительству засекретить вашу работу, — она улыбается и на секунду выглядит почти довольной. — Большой сюрприз для всех нас.

— То есть я не засыпался?

— Что вы! У вас единственное «эй» на весь курс!

Дама накрахмаленной юбки встает из-за стола, жмет мою вспотевшую ладонь и энергично трясет ее.

— Поздравляю, — говорит она, просясь. — Забавно, что вы не знали. Доктор Винер хочет срочно с вами познакомиться, — она переходит на шепот. — Прямо манна небесная.

— Манна небесная, — бормочу я, вспоминая, что доктор Винер знаменитый физик, нобелевский лауреат.

— Доктор Дайсон везде вас искал, — продолжает она. — Ваши соседи не знали, где вы.

— Я катался на мотоцикле.

— Это очень опасно. Нам бы не хотелось, чтобы звезду факультета ушибли в аварии.

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВАШИНГТОН. Во многих американских студенческих городках — сиракузском, питтсбургском, массачусетском — нарастает протест против интервенции США в Сальвадоре, политики «холодной войны» и сокращений ассигнований на социальные нужды, в том числе на образование. Эти сокращения самым пагубным образом сказываются на американском студенчестве. Например, по признанию местных властей, 2500 студентов Массачусетского университета не смогут продолжить свое образование в будущем учебном году из-за резко возросшей платы за обучение. Представители администрации стали, по существу, персонами «нон грата» в студенческих кампусах — их появление в вузах встречается бурными протестами.

ЛУАНДА. В Анголе приступила к работе вторая международная бригада медиков, присланная сюда Международным союзом студентов. Ее работа приобретает особенное значение в связи с острой нехваткой в стране квалифицированных специалистов, в частности в сфере здравоохранения. В соответствии с программой МПЛА — Партии труда — каждый гражданин Народной Республики Анголы имеет право на здоровье, что и гарантируется бесплатным медицинским обслуживанием. Молодые врачи, приехавшие в Анголу из разных государств, будут не только лечить население страны. Они помогут укрепить узы дружбы и солидарности между ангольской молодежью и молодыми людьми из других стран.

ВРЕМЯ НЕ

Нас двадцать четыре. Душный класс в центре ковбойских прерий Аризоны. Девять часов утра. Жара. Мы ждем человека, который научит нас стрелять — не в куропаток, кроликов и крыс — в людей.

Я не правый и не маньяк, и все же я здесь, на стрелковом ранчо Джефа Купера в Аризоне.

Джеф Купер стоял у классной доски и скептически разглядывал нас. Он был в штатском, но массивная пряжка с эмблемой десантника — орел, земной шар и якорь — выдавала в нем бывшего солдата.

Подполковник, автор книги «Купер о пистолетах» и многочисленных статей в стрелковых журналах, Джеф Купер всемирно известен как теоретик и практик стрельбы из пистолета. Стрельбы не в бумажные мишени — в людей. В этой области он признанный чемпион.

Стрелковое ранчо Джефа Купера существует шесть лет. В защиту этого и других подобных ранчо выступают даже те, кого сами стрелки презрительно называют «либералами». Торговля оружием процветает: каждый год в США продается более двух миллионов пистолетов. Покупали бы и больше, да производство не поспевает за спросом. На курсы Джефа Купера записываются за многие месяцы вперед.

— Пистолет — оружие самообороны, предназначен для пресечения действий нападающего, — говорит Купер. — Как с пристяжным ремнем, спасательным поясом или огнетушителем, с ним спокойнее даже тогда, когда в нем нет явной необходимости. Если пистолет при вас и вы начеку, вы хозяин положения. Функция кобуры — хранить пистолет. На протяжении всей вашей жизни она всегда должна быть при вас...

«Всегда? — Я встрепнулся. — Всегда иметь при себе? В дискотеке? Во время бритья? И, словно металлическая опухоль, кобура будет выпирать из-под пиджака?»

— Одного из моих учеников убили, когда он брился. Они ворвались в ванную. Он был безоружен, — сказал Купер, будто догадавшись, о чем я думал.

На прощанье, желая немного нас развеселить, Купер рассказал анекдот: к морскому пехотинцу на отдыхе подошел мальчишка, пехотинец прицелился. Мальчишка посмотрел на пистолет:

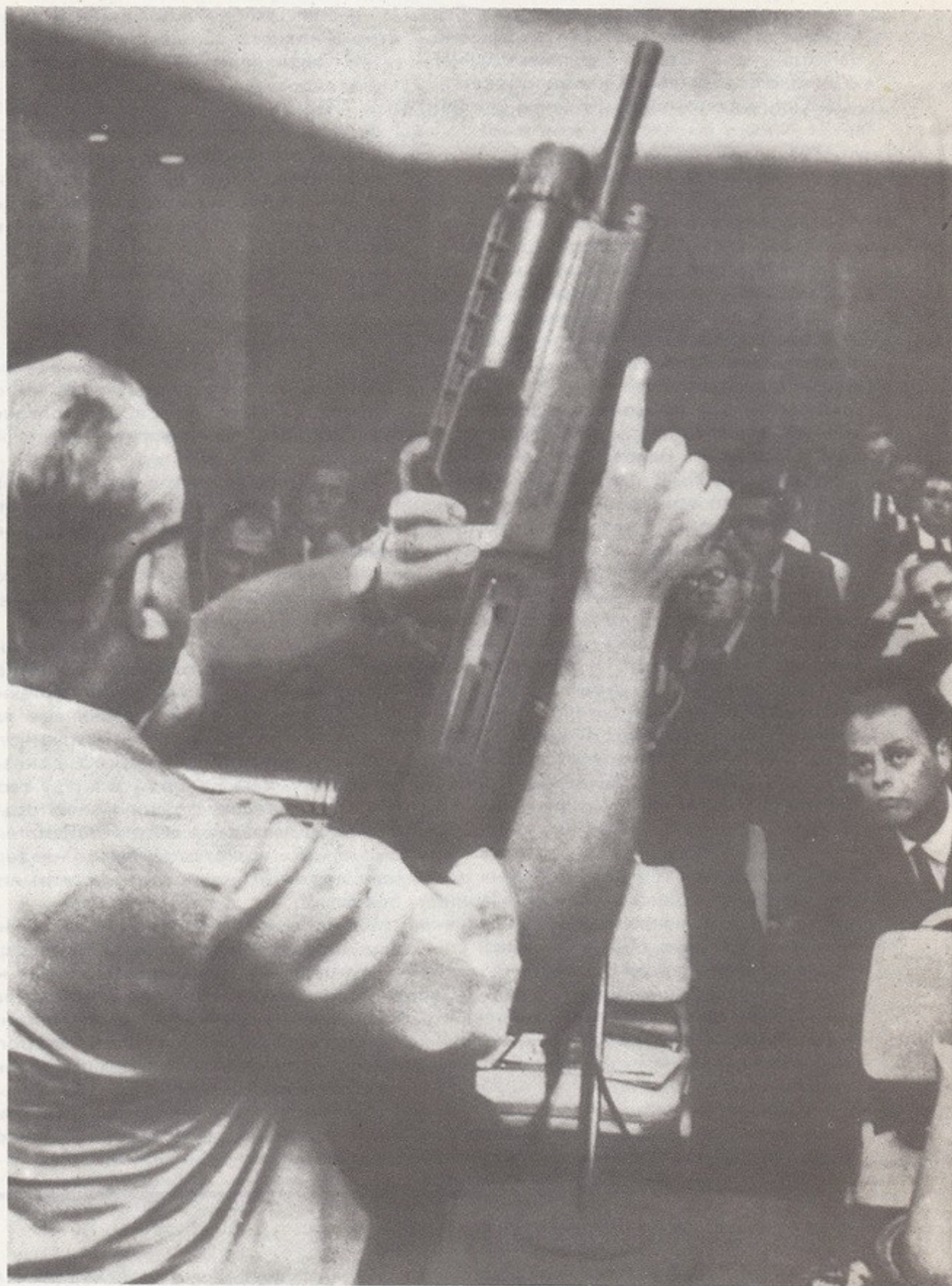
— Заряжен?

— Ха!

— Может, проверим?

Раздались робкие смешки.

— Есть ли что бесполезнее незаряженного пистолета? — пояснил Купер.

ШКОЛА, ГДЕ УЧАТ УБИВАТЬ

Питер А. ЛЭЙК,
американский журналист

Культ насилия, хладнокровного убийства вписывается в общую картину милитаризации повседневной жизни в США. Убивать — дело простое, убей первым, если хочешь уцелеть. От этой психологии «выживания индивида», питательной средой для которой служит сама американская действительность с ее разгулом преступности и свободной продажей оружия, только шаг до стратегии «выживания нации», проповедуемой Пентагоном и военно-промышленным комплексом. Убей человека, если тебе кажется, что он тебе угрожает, убей первым, чтобы не оказаться убитым. Нанеси «упреждающий удар» по стране, если тебе не нравятся существующие в ней порядки, если тебе кажется, что ее существование противоречит «жизненным интересам» Америки, — вот логика, которую насаждает империализм США.

Купер передал нас старшему инструктору Чаку Тэйлору. Тот показал, как пользоваться пистолетом. Чак вытянул руку с пистолетом.

— Это всего лишь инструмент. Но если промедлишь, другого раза может не быть.

После обеда мы выстроились на стрельбище. Впереди на расстоянии десяти метров маячили силуэты мишеней. Рядом со мной стоял Джон Олив из Техаса. Ему шестнадцать. Он приехал сюда с отцом. Под счет Чака Тэйлора мы учимся стрелять. Раз: правая рука на рукоятке. Два: левая рука выбрасывается вперед. Три: пистолет на полпути к левой руке, предохранитель снят. Четыре: руки вместе, палец на курке. Пять: пистолет на весу, цель на мушке. Шесть: пуск — бамс! (пиф-паф и прочее не говорят). В мишени появляется дырка, именно там, где ей надлежит быть.

Олив оказался очень способным: моя рука еще тянулась к кобуре, а его пистолет уже выплевывал гильзу.

Неподалеку стоял другой розовощекий подросток, Роберт Стэплз. Он тоже приехал с отцом. Он казался неуклюжим, но, как и Олив, действовал молниеносно.

Третий подросток, Уэлби Шрейдер, здорово отличался от своих сверстников. Грузный, в нелепой маскировочной шляпе, он был похож на кучу опавших листьев, вооруженную пистолетом. Конечно, он оказался мазилой. Но окрики Купера и других инструкторов несколько подтянули и его.

К концу дня я натер указательный палец. Руки ныли. Но, вернувшись в мотель, я продолжал упражняться перед зеркалом. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, бамс. Интересно, сколько зеркал разбивают здесь ежегодно!

— Для уверенности стреляйте дважды, — говорил на следующее утро Купер. Чтобы лучше это усвоить, мы разучили песенку:

В живот и в голову стреляй
И потом не проверяй.

На следующий день мы стреляли с колена и стоя. Купер рассказывал о тактике боя.

— Если он бежит на вас, подпустите поближе. Потом сажайте пулю между глаз... Убивать противно. — То был один из немногих случаев, когда Купер употребил это слово — «убивать». Обычно он говорил «нейтрализовать», «обезвредить», «захватить инициативу» и прочее.

Далее Купер сказал нам, что человеку присущи четыре психологических состояния и что у каждого состояния свой цвет. Белый цвет — рассеянность. Желтый — подтянутость и настороженность. Оранжевый — готовность к опасности. Красный — готовность к бою. Купер объяснил, что человек должен жить в желтом. Иначе его могут захватить врасплох.

Мы вооружены сорок пятым калибром. Это любимый калибр Купера.

— Порой все зависит от одного выстрела. Надо бить наверняка. Поэтому мы используем самый большой калибр, — сказал Купер.

В четверг мы действовали в условиях, приближенных к боевым. Стреляли одновременно по нескольким целям, с разворота, перезаряжая.

Пятница была днем донги («донга» по-зулусски — ущелье). Донга Купера оказалась высохшей речкой, по берегам которой в кустах были замаскированы механические мишени. Задача: пройти по дну, своевременно обнаружить мишени и уничтожить их. Не успел — «убит». За каждую смерть штраф — ящик пива. Простые правила: жизнь — смерть — пиво.

На следующий день мы столпились в предбаннике «комнаты смеха». В этом бетонном склепе все внушало страх. Вокруг двигались вооруженные мишени: негр с пистолетом, два негодяя с револьверами, полоумный с розочкой. Задача выйти отсюда «живым». Я ношусь по лабиринтам и паляю во все, что выглядит угрожающим. Человек с тачкой? Никакой пробле-

мы: бамс, бамс. Точильщик ножей в холле? Просто. Бамс.

— Ну, ты мясник. Всех уложил, — поздравил меня инструктор. И все же посоветовал мне быть более разборчивым.

Опять «лабиринты смеха». Я зарядил пистолет, проверил наличие запасных магазинов: два в кармашке на поясе спереди, два в кармашке сзади — тридцать шесть патронов. Я попросил дополнительный магазин: так спокойнее.

Каблуком распахиваю дверь. Пистолет с предохранителя. В дверях, в темноте — человек. Металлический предмет. Пистолет? Готов спустить курок, как узнаю улыбку президента. Рядом репортер с микрофоном. Он был на волоске. Разворот влево. Глубокий вдох. Целюсь в темный коридор. На мушке женщина с хозяйственными сумками. Вдруг голос: «Ты убил Билли. Ты должен умереть». Женщину с сумками отбрасывают в сторону. Я на мушке обреза. Стреляю. «Убиваю». Фигура исчезает. Влетаю в холл. Никого. Резкий поворот — передо мной тип в костюме. В его спину упирается револьвер дамы в ярко-алом свитере. Назад, за дверь.

— Не стреляйте, мистер! — кричит заложник.

— Отпустите его! — кричу я.

— Еще чего, — отвечают мне.

Я надеюсь, что она выглянет и я смогу попасть в нее, не задев заложника. Бесполезно.

— Сволочь! — кричу я, влетаю в холл, стреляю. Пуля в руку, пуля в свитер. Ее приятель выныривает справа. Бамс, бамс — две пули в живот. Другой прыгает с потолка. Бамс — в ногу, бамс — в грудь. Я дрожу и задыхаюсь. Руки как ватные. Следующая цель возникает из-за стены... Трупы, пистолеты, выстрелы. Я верчусь словно дервиш в ритме танца войны: бамс, разворот, бамс. Наконец все позади.

— Одного пропустил, — сказал мне инструктор. Разворачиваюсь: в углу замаскировался последний убийца. Стреляю, но поздно. В моем воображении пуля уже прошивает меня, инструктор хихикает:

— Ящик пива.

В субботу у нас был последний экзамен. Я выступил неудачно. Малолеткам достались призовые места: Оливу — первое, Стэплзу — третье. Наши свидетельства об окончании курсов Купер раздавал на веранде за общим столом. Мы пили штрафное пиво и закусывали жареными цыплятами.

Перевел с английского В. ГАВРИЛОВ

**Мир — общее достояние человечества,
а в наше время — и первейшее условие
его существования.**

Из Обращения Верховного Совета СССР
«К парламентам и народам мира»

ВРЕМЯ

— Ну-с, друзья, каникулы позади, приступим к уроку. Вы должны были прочитать книгу Нормана Подгореца¹ «Существующая опасность: есть ли у нас воля повернуть вспять процесс упадка американского могущества?». Каков главный тезис этой работы? Кто ответит?

— Не следует ратифицировать договор ОСВ-2?

— Ты почти угадала, Эми. Слушаем тебя, Рон.

— Нас подставляют слюнявые пацифисты?

— Интересный ответ, Ронни. Чувствуется, что ты изучал Подгореца по первоисточникам. У него есть журнальная статья насчет «засилья слюнявых пацифистов в Англии 30-х годов», что привело?..

— К Мюнхенскому соглашению 1938 года?²

— Очень хорошо, Эдмунд! Вижу, летом ты не бездельничал. Кто нам разъяснит смысл Мюнхена? Я жду четкого определения. Одно-единственное слово.

— Мир любой ценой?

— Ну, Эдмунд, целых три слова, а надо одно: умиротворение. Запомните это слово! Книга Подгореца полна истории. Истории чего?

— «Холодной войны».

— А также?..

— Того, как мы ее проиграли.

— Можем проиграть. И почему же?

— Потому что коммунистическая Россия опять наступает, а Никсон допустил стратегическое отступление из Вьетнама, так как наши «хиппи» и газеты подорвали нашу уверенность в себе.

¹ Редактор сионистского журнала «Комментарии», один из ведущих идеологов так называемого «нового консерватизма» — реакционного течения, ратующего за «жесткую» линию как во внутренней, так и во внешней политике США. — Здесь и далее примеч. ред.

² Мюнхенское соглашение о расчленении Чехословакии, подписанное главами правительств Англии и Франции, с одной стороны, и Гитлером и Муссолини — с другой, было отнюдь не пацифистской, а ярко выраженной милитаристской акцией. «Умиротворяя» гитлеровскую Германию за счет территорий других европейских стран, «мюнхенцы» — с одобрения США — наделись повернуть гитлеровскую агрессию на восток, против СССР. Ныне буржуазная пропаганда, извращая историю, пытается даже этот позорный акт империализма использовать для разжигания ненависти к Советскому Союзу.

Пропаганда милитаристского курса сопровождается массированным давлением на сознание американцев — нагнетанием антисоветской истерии, призывами готовиться к якобы неизбежной ядерной войне. Жертвами такого идеологического террора становятся прежде всего молодые американцы. Атмосфера ненависти и страха превращает одних в злобных волчат, других — в запуганных до полусмерти параноиков. Так нация расплачивается психическим здоровьем своего молодого поколения за амбиции правящих кругов США, мечтающих о мировом господстве. (Об этом фельетон «Урок «истории» и очерк «Гражданская оборона».)

— Весьма впечатляюще, Эми. А теперь — кто заметил в том, что сказала Эми, некую историческую иронию? Билл?

— Ирония, которую вы имеете в виду, одна из самых интересных мыслей мистера Подгореца. Она состоит в том, что именно Никсон вместе с великим Джо Маккарти¹ открыл нам глаза на красную опасность. Они подвергались гнусной клевете за то, что искали эту опасность внутри США, но как раз благодаря их усилиям она стала ощутимой, закалила нас и мы смогли заговорить со Сталиным на жестком языке. Но когда Никсон стал президентом, он переменялся, соблазнился разрядкой. Точнее, его соблазнил Киссинджер.

— Все правильно, но вы должны учесть, что Никсон снова на верном пути, как видно из его последних работ, а Киссинджер с одобрением отозвался о книге Подгореца. Так что они не без надежды. Кто еще, так сказать, запел другим голосом? Фигура, весьма важная для обсуждаемой нами темы. Причем в этом случае перемена произошла в худшую сторону. О, лес рук! — Джордж Кеннан!²

— Точно. И что же он натворил?

— Выдвинул концепцию «сдерживания» в статье для журнала «Форин афферс» в 1947 году, а потом отрекся от нее.

— Так. Все из-за того же Вьетнама. А чего он не хочет делать сейчас?

— Спасать Афганистан для свободного мира.

— Отлично, Эдмунд. А кто может вспомнить важную мысль, которую прежний Кеннан высказал в «Форин афферс»? Подгорец цитирует ее дважды. Никто? Тогда я вам ее зачитаю: «Вдумчивый наблюдатель русско-американских отношений не станет огорчаться по поводу вызова Кремля американскому обществу. Скорее он возблагодарит провидение за то, что оно послало американцам этот неумолимый вызов. Ибо таким образом их безопасность как нации теперь целиком зависит от их способности сплотиться и принять на себя ответственность морального и политического лидерства, столь явно возлагаемого на них историей». Кто мне скажет, чем важны эти слова? Их ключевая идея?

— Провидение? Упоминание бога? — Ты близок к истине, Джордж. Мы должны благодарить бога за советский вызов. Но все же почему? Кажется, у Гарольда есть ответ.

— Мы только что узнали, что коммунисты обогнали нас по ракетам, поэтому нам надо развернуть ракетно-ядерные установки МХ, нацелить их на военные объекты в России и принять концепцию ограниченной ядерной войны, то есть думать о немыслимом.

— Твои рассуждения вполне уместны, и в книге Подгореца они есть. Но ключевой пункт цитаты из Кеннана все же в другом.

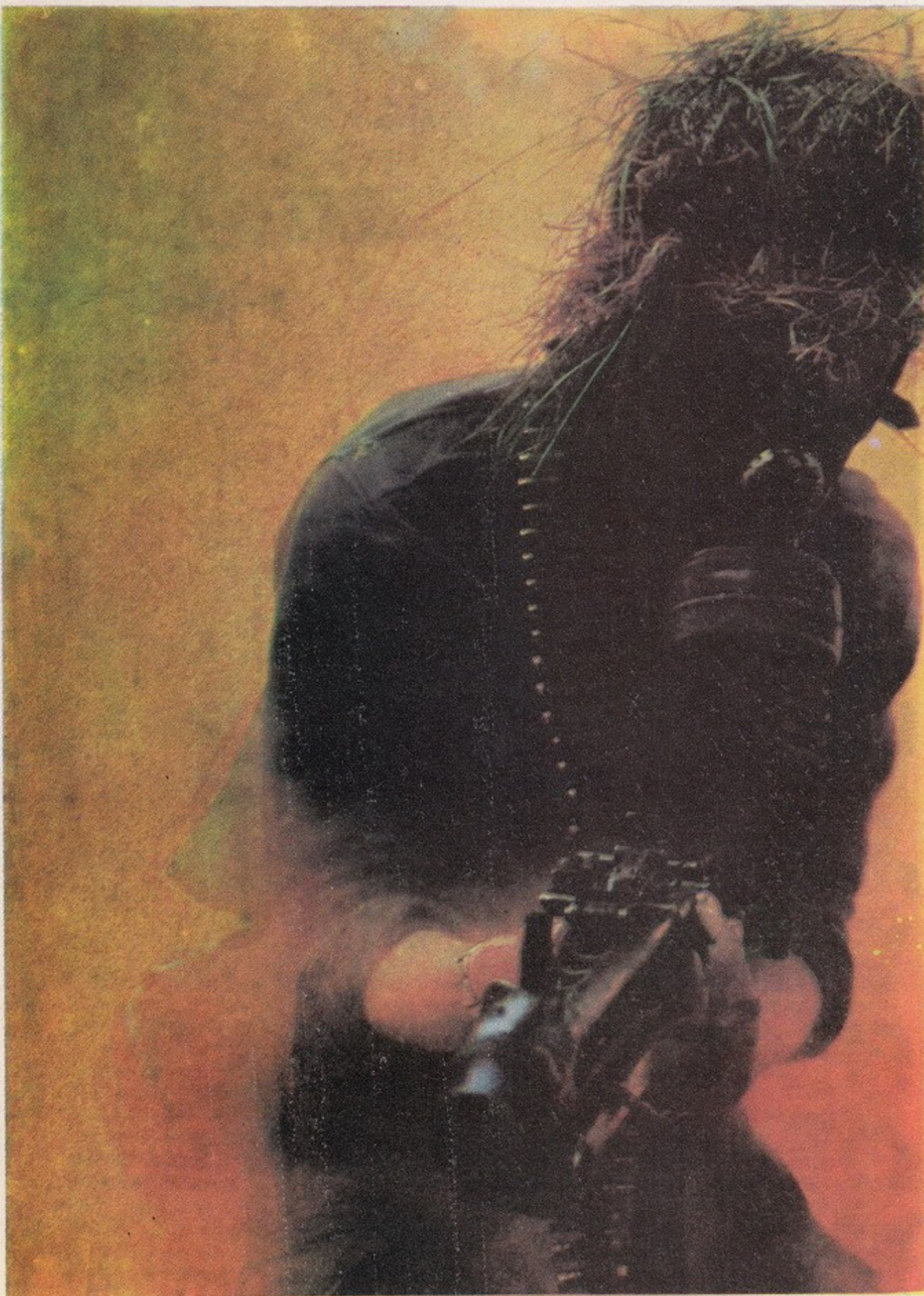
— Я знаю, знаю! Мы все должны сплотиться, да? Поэтому мы должны быть рады вызову. Он повышает наш боевой дух. Это примерно так же, как с чернокожими. Они думают, что школы должны предоставить им лучшие места, а нас это бесит. Смехота!

— Сомневаюсь, чтобы слово «смехота» фигурировало в политическом лексиконе, но Эми попала в точку. Наш боевой дух сейчас очень невысок, и, чтобы поднять его, надо разглядеть противника. Об этом и говорит Подгорец. Но есть враги и враги. Подгорец называет двух. Один нам мешает, другой заставляет пошевеливаться. Желание ответить?

— Один — это тот, который сидит внутри нас. Например, угрызения из-за Вьетнама, нежелание соблюдать ограничение скорости на дорогах...

— Довольно, довольно, Джимми. Молодец. От этого врага мы должны избавляться. А кто мне назовет противника, который помогает нам взяться за ум?

НЕ ЖДЕТ

УРОК «ИСТОРИИ»

Фельетон

Элиот ФРЕМОНТ-СМИТ,
американский журналист

— Зловредный мировой коммунизм.

— Умница, Пэт! И что же с нами будет, если мы не станем сопротивляться?

— Разложение!

— Оч-чень хорошо! Кто пояснит, что это значит? Рон, прошу.

— Потеря уважения к самим себе. Деграция семьи. Рост налогов из-за перебоев с нефтью, устраиваемых прокоммунистическими, промусульманскими агентами по приказу из Кремля. Куба нападет на наших друзей в Африке, а у нас не будет духу устроить Кубе блокаду. Японцы совсем озвереют и захватят все рынки своими «сони» и «тойетами». Американский доллар, который когда-то что-то значил, будет стоить не больше бумажки, на которой напечатан. Мошенники расплодятся еще больше, а вера в бога пойдет на убыль...

— Мне думается, Рон, ты самую точку преувеличил, но в принципе ты прав по всем пунктам. Подгорец рисует ясную картину того, что надо понимать под разложением: оказаться перед разбитым корытом, утратить историческую миссию лидерства в свободном мире и т. д. Если мы позволим себе скатиться до подобного состояния, это будет новым... чем? Быстренько, класс!

— Мюнхеном!

— Так! А другое слово, которое я просил вас запомнить?

— Умиротворением!

— Так. Значит, наша задача...

— Стать твердыми и начать пошевеливаться!

— Так! А это значит перестать копошиться в себе из-за Вьетнама, избавиться от вредного «чувства вины» и опять помассировать нашу патристическую...

— ...опухоль.

— Остроумно, Билл, и притом правильно. Президент Трумэн начал это делать в 1947 году с помощью своей...

— Доктрины!

— Так! Вспомним судьбу этой доктрины при недавних президентах. Никсон, Форд и Картер сползли в разрядку, которая означала, что мы...

— Как бы извиняемся за свое лидерство в мире.

— Так! А это расслабляет нашу волю к сопротивлению...

— Советской гегемонии!

— Поэтому нам надо сплотиться и...

— Спустить с цепи ЦРУ!

¹ Внешнеполитическая программа Трумэна предусматривала непрерывный «нажим» на СССР.

Мир — общее достояние человечества, а в наше время — и первейшее условие его существования.

Из Обращения Верховного Совета СССР
«К парламентам и народам мира»

ВРЕМЯ

— И... Ну же, ребята, вы знаете ответ. И мужественно взглянуть на... что?

— На факты!

— Так! И какой же факт самый главный?

— Нам надоело, чтобы нами помыкали.

— Ну то-то. А благодаря чему мы прекратим это помыкание?

— Благодаря нашей воле повернуть вспять процесс упадка американского могущества!

— Что для этого необходимо?

— Моральная сила!

— А где ее взять?

— Разглядеть врага!

— Которым является?..

— Неумолимый коммунизм!

— Перед которым мы не должны никогда?..

— Сдаваться!

— Иначе придет конец... чему?

— Веку Америки.

— Правильно! Класс проявил похвальные знания. А теперь, пока есть несколько минут до звонка, я хотел бы порассуждать о том, какие аргументы могут выдвинуть против книги Подгореца либералы и те, кто согласен на что угодно, только бы не война.

— Подгорец хочет нового маккартизма, а маккартизм отдавал антисемитизмом?

— Дельно, Билл. Я полагаю, что Подгорец просто брал основное, не вдаваясь в подробности, но все же это может оказаться затруднительным местом. Радикалы, конечно, уцепятся и за твой аргумент, Билл. Но все-таки бить Подгореца по-настоящему они будут за другое. Эми?

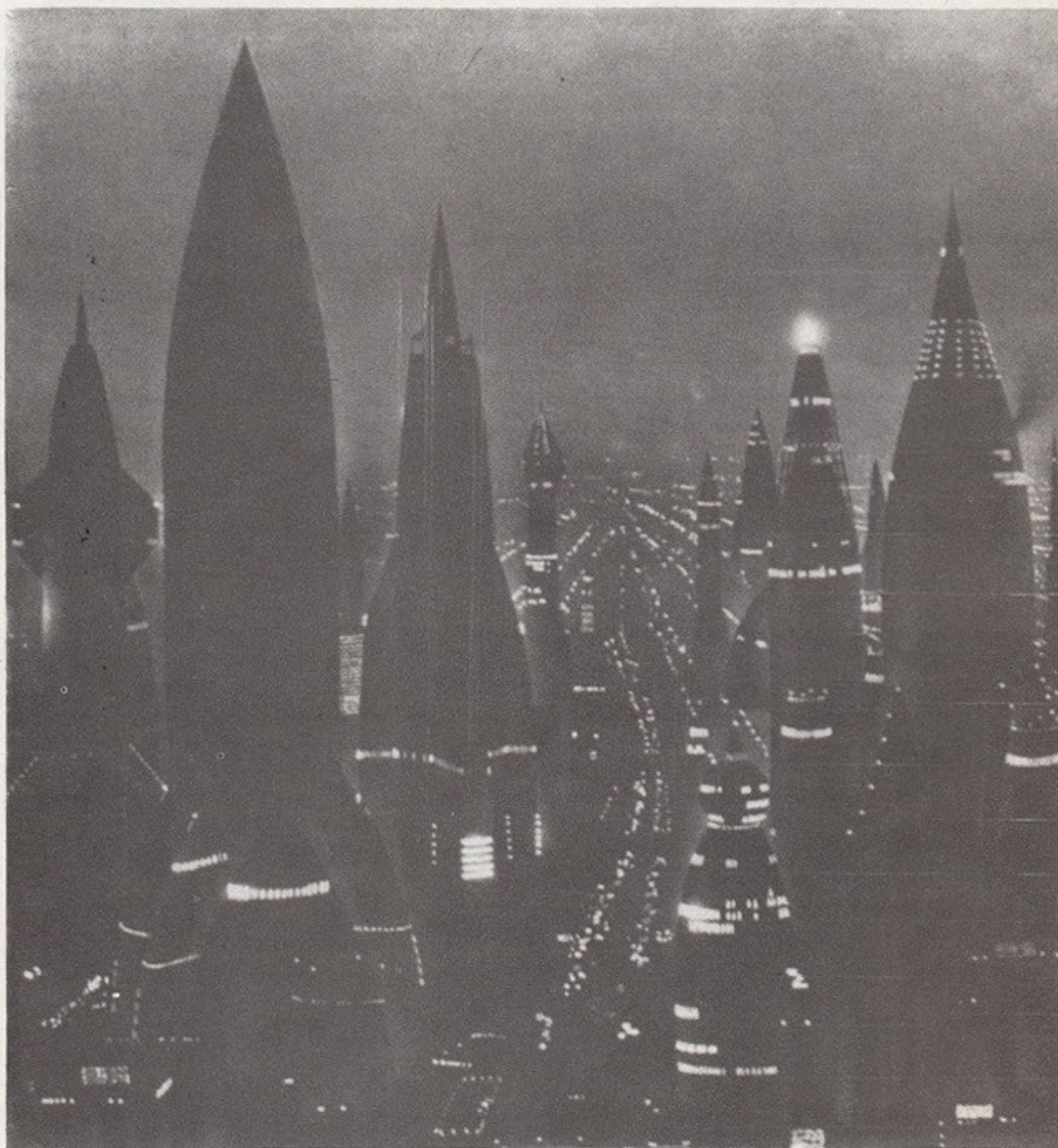
— Подгорец утверждает, что мы не сможем успешно воевать против России, если не возродим патриотический дух, а патриотический дух не сможем возродить, если не будем готовиться к войне с Россией. Правильно?

— Молодчина. Либералы будут крыть Подгореца за то, что он преувеличивает успехи и намерения противника ради того, чтобы разжечь в нас злость. Либералы будут говорить, что он извращает историю.

Я хочу, чтобы до следующего нашего урока вы поразмышляли над такой проблемой: может ли внешняя политика вдохновлять население на новые усилия, важные с точки зрения валового национального дохода и преемственности двухпартийной системы, если у страны не будет четко видимого и грозного противника. Это трудный вопрос, но его надо ставить. Без него нам не вернуть «холодную войну». Что было бы социальной катастрофой.

Класс свободен.

Перевел с английского Б. КЛИМАНОВ

ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА

Тим О'БРАЙЕН,
американский писатель

Когда я был мальчишкой одиннадцатидвенадцати лет, я сделал из теннисного стола убежище от радиоактивных осадков. Забавно? Ладно, давайте по порядку. Впрочем, не помню, с чего все началось. Возможно, с передач о системах обнаружения, с ложных воздушных тревог, с рисунков водородной бомбы в «Лайфе», со школы, где по команде «ложись» мы падали под парты и накрывали головы руками. Возможно, страх уже был во мне. В генах.

Словно закодированное знание, что мир небезопасен для человеческой жизни. Кто теперь разберет?

Итак, я был напуган. По ночам я метался по постели, путаясь в промокших простынях. А на рассвете, когда наконец приходил сон, я слышал вой сирены, шипение тающих ледников, шепот радиоактивных дождей и свист баллистических ракет.

Я родился и вырос в Форте Дерри, штат Монтана. Провинциальный городок: бензоколонки, парки и средние

НЕ ЖДЕТ

школы. Обычная семья: отец торговал недвижимостью, мать — домохозяйка. Летом мы ходили в горы, и отец учил меня удить форель, а мать готовила уху, и все было прекрасно. Я ничем не отличался от других: играл в войну, бейсбол, собирал диски, катался на велосипеде, кормил собаку и болтался на улице. Нормальный-нормальный. Даже торговал лимонадом на поле гольф-клуба. Десять центов за стакан. Чем больше льда, тем больше прибыль. Простая арифметика. Я был счастлив.

Но еще в детском возрасте, а может, потому, что я был в детском возрасте, я понял, что мир небезопасен для человеческой жизни, что мировая катастрофа не выдумка, не метафора и не огородное пугало; конец света — реальность, его можно потрогать, он на кончике ядерной боеголовки ракеты «Минитмен», кнопок и реле. Конец света есть, как есть физика, законы горения и гравитации. Есть оружие — есть смерть.

Долгие месяцы я боролся с кошмарами — вплоть до запомнившейся мне майской ночи, когда я внезапно проснулся. В голове гудело, болели глаза, и было тихо-тихо, и я подумал, что оглох. В комнате было темно. Я протер глаза и прислушался. Мне приснилась война, континенты в огне, дотла сгоревшие города. Теперь вокруг стояла зловещая тишина, и я подумал, что мир погиб, пока я спал. Я испугался.

Я выскользнул из-под одеяла, натянул тапочки и бросился в подвал. Нет, в тот момент я еще ничего не решил. Я подбежал к теннисному столу и стал набрасывать на него хлам, кирпичи и старые половики. Получилась довольно толстая крыша. Сверху я накидал древесного угля, предназначенного поглощать смертельную радиацию. Картонные коробки заполнил газетами и прочим мусором и сделал из них стены. Из них же смонтировал вентиляционную шахту. На кухне запасся водой и провиантом. Установил аптечку с бинтами и йодом и сделал маску от радиоактивных осадков. Наконец все было готово. Светало. Я заполз под стол, лег на спину и сложил руки на груди. Я был горд собой. Я сразу заснул.

Здесь меня и обнаружил отец. Я еще спал, когда до меня донесся его голос. Откуда-то издали, приглушенно и бесцветно, будто с другой планеты. Потом открылась дверь, щелкнул выключатель, заскрипели ступеньки, и на цементном полу появились тапки отца.

— Уильям, — прошептал он. Я забился глубже.

— Уильям, — сказал отец. — Выходи. Что-то в его голосе мне не понра-

вилось. Я сжался калачиком и продолжал молчать.

— Послушай, — сказал он. — Такая маленькая крепость...

— Это не крепость, — я все объяснил.

Некоторое время он молчал, потом хмыкнул, что-то сказал, нагнулся, схватил меня за ногу и выволок из-под стола.

— О боже! — прошептал он. — Что это?

— Что?

— Это, — сказал он и подозрительно посмотрел на мой нос.

— А, это, — сказал я. — Это маска от радиоактивных осадков.

В действительности это был бумажный пакет, набитый опилками и древесным углем. В пакете были вентиляционные дырки, и вся эта штукovina крепилась к лицу при помощи изоленты и веревочек. Я ею очень гордился, поэтому усмехнулся и начал объяснять, как она действует. Но отец не стал меня слушать.

— Наверх, — скомандовал он. — Быстро. Немедленно.

Отец очень расстроился. Он сорвал маску, схватил меня за шиворот и поволок наверх. Мы поднялись на кухню, и отец показал матери маску.

— Угадай, что это, — сказал он. — Ни за что не догадаешься. Ну? — Но он не дал ей ответить. — Маска от радиоактивных осадков! Взгляни. Какова? — Потом отец рассказал ей про теннисный стол.

— Убежище от радиоактивных осадков, — он оттягивал слова, словно резинки, и вдруг отпускал и больно щелкал ими. — Теннисный стол — теперь убежище от радиоактивных осадков.

Естественно, все это рассмешило мать, и она захихикала.

За завтраком я им все объяснил. Что радиация может убить.

— Чистый яд, — сказал я. — От нее можно стать уродом или карликом. И вас это не трогает?

Они что, не читали газет? Не видели фотографий людей, пораженных радиацией? Выжженные волосы, кровоточащие языки, выпавшие зубы и кожа, завернувшаяся, как обугленная бумага. Что в этом смешного?

Нет, я не свихнулся. Мысли были ясны, и мозг работал четко. В какой-то степени, думаю, меня вдохновляло воспоминание о том сне без сновидений. В моем убежище, за надежными стенами, в комфорте и безопасности.

Однажды меня осенила «карандашная теория». Это случилось на последнем часу занятий. Я смотрел на карандаш и думал о своем, как вдруг зрачки

расширились, и я заулыбался, пораженный своей догадкой.

Когда прозвенел последний звонок, я скатился по лестнице и влетел на склад запасного школьного имущества. Там я расстегнул сумку, набил ее карандашами и поволок добычу домой. Воровать было стыдно, но что делать: то был вопрос жизни и смерти.

В тот вечер, пока отец и мать сидели у телевизора, я проскользнул в подвал, разгрузил сумку и принялся за реконструкцию убежища. Моя теория была удивительно проста. Карандаши содержат олово. Олово не пропускает радиацию. Логично, научно и осуществимо.

Я быстро сгреб все со стола и стал укладывать карандаши в аккуратные ряды, стараясь не оставлять щелей и открытых поверхностей. Постепенно я закрыл весь стол. Сверху опять навалил хлам, кирпичи, половики, плюс двойной слой древесного угля, и все это увенчал старым матрасом.

Когда я поднялся наверх, отец ничего мне не сказал. Он нахмурился, вздохнул, покачал головой и велел отправляться спать.

Потом пришла мать, укрыла меня одеялом, пощупала мой лоб, проверила, закрыты ли окна. Наконец она присела на край кровати, переплела свои пальцы с моими и спросила, нет ли у меня каких проблем.

— Проблем? — сказал я.

— Ты понимаешь, о чем я говорю. С девочками. Со школой. Я хочу сказать, Уильям, что в последнее время ты вел себя... ну, ты изменился.

Что я мог ответить? Я не мог рассказать ей про сны и про взорванный мир. Мне не хотелось, чтобы она решила, что я сошел с ума. Я пожал плечами, потряс головой и сказал, что у меня все в порядке. Никаких проблем.

— Тебе известно, — сказала она вкрадчивым голосом, — что отец и я тебя ужасно любим. Очень-очень.

— А, большое спасибо.

— Тебе это известно?

— Конечно.

— Так вот, если тебя что-то беспокоит, что бы то ни было, ты не должен от нас скрывать. Затем и существуют мамы и папы. — И все в том же духе. Она настойчиво нащупывала слабые места в моей обороне. Наконец я не выдержал. Чтобы успокоить ее, я придумал, что во сне ко мне приходят вспышки, похожие на молнии. Наверное, я переборщил.

— Вспышки? — прошептала она. — Как они выглядят?

— Просто вспышки, совсем обычные вспышки. Но теперь все о'кэй. Теперь не приходят.

Она испытующе посмотрела на меня.

— Вспышки белые? Красные?

— Всех цветов, — сказал я. — Розовые, голубые — фейерверк. Потом они сходятся, смешиваются в одну большую вспышку, и все это словно взрывается.

— Боже, — прошептала она.

— Нет, правда, их не было уже целую неделю.

Она помедлила, посмотрела в глаза.
— Уильям,— начала она, потом замолчала, потом начала сначала: — Уильям, дорогой, я думаю, надо вызвать врача.

— Врача?

Она серьезно кивнула.

— Думаю, что да. На всякий случай.

И с интонацией нянечки она заговорила о том, что на свете полно болезней: полиомиелит, свинка, корь. Потом она поцеловала меня и долго не отрывала губ, уходя, сказала, что завтра мне не надо идти в школу.

— А сейчас,— сказала она,— я хочу, чтобы ты тотчас заснул. В кровати. Ты не сбежишь в подвал? Обещаешь?

На следующее утро с неизменным черным саквояжем в нашем доме появился старый доктор Греншо. Я оказался в глупом положении. Во-первых, я был абсолютно здоров, во-вторых, я ненавидел Греншо. В нем было что-то отталкивающее: волосы, торчащие из ушей, желтые пятна на коже, своеобразный запах лекарств, смешанный со спиртным перегаром.

— Вспышки,— проворчал он.— Что за чепуха?!

Я постарался улыбнуться и вести себя осмотрительно. Я говорил ему, что вспышки были малюсенькими, что они не стоили упоминания и что отец и мать имеют обыкновение все преувеличивать.

— Так, так,— сказал он и уставился на меня. Я уже догадывался, что за этим последует.

Он сказал, что ему надоело слушать вранье, и что я абсолютно здоров, и что я перепугал родителей, и что мне должно быть стыдно. Он всерьез отчитывал меня, грозил пальцем, глаза его сузились.

— Молодой человек,— говорил он,— в следующий раз, когда вам захочется отдохнуть и не захочется идти в школу, лучше прогуляйте. И забудьте о вспышках.

На мгновение мне даже стало стыдно. Но все было не так просто, как говорил Греншо. Я не хотел пугать родителей. Наоборот, пытался их успокоить. Они не поняли настоящей причины: крылатые ракеты, бомбы, опасность — и я был вынужден придумывать, чтобы они успокоились. Но что толку говорить об этом с Греншо. Наконец он устал читать мне нотации и приказал отправляться в школу. Саквояж захлопнулся — и дверь закрылась. Некоторое время я оставался в постели, потом подкрался к двери и слушал, как он говорит отцу и матери, какой я врун. Но почти ничего не было слышно. Я догадался, что отец прошептал что-то о теннисном столе и все трое пошли вниз, в подвал. Как был, босиком, я вышел на лестницу и услышал, как отец рассказывает Греншо про убежище от радиоактивных осадков.

— Обратите внимание на брикеты древесного угля,— говорил отец голосом экскурсовода.— И карандаши! Согласитесь, в этом что-то есть.

— Тише, Уильям может услышать,—

сказала мать, но потом и она захихикала. И от этого мне стало гадко.

Конечно, убежище несовершенно, но разве лучше бить баклуши и ждать, когда тебя поджарит заживо бомба?

Я чувствовал, что не вынесу встречи с ними. Поэтому я потихоньку оделся, выскользнул из дому, оседлал велосипед и помчался куда глаза глядят. Впереди вырос автомобиль Греншо. Я почти решился отломить антенну, но упустил момент. Меня пронесло мимо. Я летел как угорелый до Главной улицы.

Я сидел на зеленой скамейке напротив библиотеки и ругался. Я слышал клекот Греншо, шепот отца и хихиканье матери. Я не мог этого понять. Конечно, Форт Дерри окружен горами, защищающими от радиации лучше любого убежища. Но что смешного в том, что человек предпринимает меры предосторожности? Не говорил ли мне отец об осторожности при переходе через улицу? Какая разница между этой предосторожностью и той, над которой они смеялись? Вопрос поставил меня в тупик.

Я поплелся в библиотеку и с полчаса рылся в старых подшивках «Тайма» и «Ю. С. ньюс». Я смотрел на фотографии настоящих убежищ. Они были из стали, бетона и цемента. На их фоне мое убежище выглядело жалко.

От этого мне стало хуже. Должно быть, я вел себя странно, потому что библиотекарша искоса поглядывала на меня, словно сомневаясь: вызывать или не вызывать полицию? Вскоре она подошла, наклонилась надо мной и заглянула в журналы.

— А,— сказала она,— политика.

— В некотором смысле.

Библиотекарша кивнула и долго рассматривала картинки убежищ.

Через двадцать минут я посмотрел на часы, раздумывая, не пойти ли мне в школу, и решил, что не стоит. Я не был уверен, что смогу переварить черные доски, учителей и прочее.

Я чувствовал себя опустошенным. Меня подташнивало, не хватало воздуха, и мне казалось, будто я в камере. Библиотека давила густой, тяжелой тишиной, вдруг в центре этой тишины послышалось хныканье. Я огляделся в надежде увидеть этого осла, который пришел в библиотеку плакать, и чуть не засмеялся, но не смог, потому что опять всхлипнул.

Нет, я не выл. По крайней мере вначале. Но звук становился все громче, я пытался его проглотить и приказывал себе заткнуться, но звук прорывался наружу. И я заревел. Как ребенок. Как младенец.

Я почувствовал чью-то руку на плече. Рядом стояла библиотекарша.

— Эй, ты плохо себя чувствуешь?

— Хорошо,— сказал я и заревел еще громче.

Но, что самое странное, несчастным я себя не чувствовал. Не знаю, что на меня нашло. Я рыдал, и все тут.

Библиотекарша спешно увела меня в офис, усадила и направила к телефону. Наверное, она знала моих родите-

лей, потому что ни о чем не спросила. Просто набрала номер. Закрыв глаза, я слушал, как она разговаривает с матерью, и мне стало тоскливо. Я представил мать и отца, как их взгляды на секунду встречаются в панике, потом разбегаются, потом медленно сходятся опять.

Я плакал, пока библиотекарша не повесила трубку. Вдруг все кончилось. Я глупо вытер глаза и уставился в пол.

Потом за мной приехали родители. Они уже не смеялись. Даже не улыбались. Мать поцеловала меня, а отец удалился на конфиденциальный разговор с библиотекаршей. Потом он подошел, стукнул меня по плечу и сказал, что пора домой.

— Я чувствую себя хорошо,— сказал я ему.

— Не сомневаюсь,— сказал он.— Велосипед запихнешь в багажник. Мы подбросим тебя.

Дорога домой была мучением. Время от времени отец поглядывал в зеркальце и кидал на меня испуганный и робкий, почти смущенный взгляд. Мать без умолку говорила о том, что пора что-то сделать с этими стуками в моторе. Но, что самое глупое, отец ни с того ни с сего решил купить мне набор юного химика. Я не поверил собственным ушам.

— Что? — спросил я.

Он кротко улыбнулся.

— Знаешь, такой набор с мензурками, бутылочками... Отличный набор.

Я подумал, что он шутит, но вскоре понял, что дела мои плохи. У одного из моих бывших дружков был этот набор, и, когда бы я к нему ни зашел, он проводил самые невероятные эксперименты. Например, анализ ногтя. Есть ли в нем олово. А я сидел и все это нюхал. Думаю, что набор юного химика изобрели для кретинов вроде моего бывшего дружка.

Но отцу затея очень понравилась, и всю дорогу он говорил только об этом.

— Ну, скажи,— говорил он,— разве не замечательная идея?

— Конечно,— сказал я.

— Ты серьезно?

— Спрашиваешь. Сгораю от нетерпения.

Мне не хотелось его огорчать. Я уже знал: когда родители считают, что ты хочешь то-то и то-то, они ужасно расстраиваются, если узнают, что ты этого не хочешь.

Но мой отец все-таки был славный малый.

— Послушай,— сказал он,— а что ты на самом деле хочешь? Скажи, не стесняйся.

— Хорошо,— сказал я.— Счетчик Гейгера мне бы не помешал.

В ту же секунду я понял, что допустил оплошность. Отец моргнул и скопился на зеркальце.

— Уильям,— сказал он,— нам нужно поговорить.

Я засел в ванной, стараясь оттянуть разговор. Это единственное место в доме, где можно уединиться. Я зашелкнул задвижку, почистил зубы,

умылся, сел на унитаз и перечитал «Спортс иллюстриейтед». Наконец мать поджарила цыпленка, и запах вытянул меня наружу.

Родители сразу перешли к делу.

— Нас беспокоит, — сказал отец самым серьезным и ласковым тоном, на какой только был способен, — что ты слишком близко к сердцу принял эту радиацию. Теннисный стол, эпизод в библиотеке. Все это очень вредно для твоего здоровья.

— А радиоактивный дождь — полезно?

Отец терпеливо вздохнул.

— Конечно, нет. Поверь, мы тебя понимаем и сочувствуем. Правда. Мы с матерью все обсудили и решили, что впредь будем обращать на это больше внимания. Бомбы, крылатые ракеты. Все это очень важно. — Он поглядел на мать, и она кивнула. — Но мы не позволим, чтобы все это повредило тебе. Я исхожу из личного опыта. И я боялся и беспокоился. Но, поверь, не стоит растрчивать себя на это. В конце концов нам нужны силы и надежда. Иначе попадешь в сумасшедший дом.

— Я не сошел с ума.

Мать передернуло.

— Дорогой, — тотчас сказала она, — мы знаем, что ты не... болен. Просто мы беспокоимся...

— Так вот, я тоже беспокоюсь, что меня могут убить. Ожоги, ударная волна и черт знает что еще. А вы ведете себя так, словно я сошел с ума.

В отцовой тарелке с цыпленком брякнула вилка.

— Сам виноват, — сказал он.

— Ты прав. И потому смеялся надо мной. Я все слышал.

Они притихли.

— Уильям, — наконец мягко сказал отец, — мы не над тобой смеялись, правда.

— Естественно.

— Ты нас развеселил. Понимаешь? Мы смеялись над теннисным столом. Во что ты его превратил.

Его голубые глаза смотрели на меня открыто и нежно.

— Если ты хоть на секунду представишь себе это, хоть на секунду, ты увидишь, как все смешно.

— Ха-ха, — сказал я.

Отец с трудом подавил улыбку.

— Спору нет, ты умница, — он замолчал и рассеянно постукивал вилкой о край тарелки. — Одна деталь. Мне непонятно, зачем карандаши?

— Олово, — сказал я. Он не понял. — Олово поглощает радиацию. Спорим, ты об этом не знал.

И снова отец посмотрел на мать. На этот раз он не сдержался и улыбнулся.

— Конечно, — сказал он мягко. — Понимаю.

— Хорошая мысль, а?

Он смешно присвистнул сквозь зубы.

— Без сомнения. Молодец. Здорово придумал.

Я заулыбался. На мгновение мне показалось, что я вырвал из него ужасно важное признание.

Он долго смотрел на меня.

— Но есть одно «но».

— Какое?

— Мне не хочется тебя огорчать, малыш, — сказал он, — но в карандашах не настоящее олово. Это так называется, а на самом деле там графит.

— Графит?

— Боюсь, что да.

Я откусил от цыпленка, прожевал кусок и проглотил его. То был самый жесткий и самый невкусный цыпленок в моей жизни.

— Естественно, — сказал я, — я давно это знал.

Но в глубине души мне хотелось себя убить. Черт возьми, графит. Родители бывают безжалостны.

— Графит, — сказал я, — я знал это.

Отец кивнул. Я поднял глаза — спокойное, веселое лицо. И вдруг бешенство, злость и отчаяние охватили меня. Весь этот взрослый мир со своими шифрами и скрытыми значениями надвигался на меня, издевался, дразнил. Словно развлечения ради взрослые прячут в рукав информацию и потом бац — словно фокусники, обводят тебя вокруг пальца. Бомбы, например. Опасны они или нет? В опасности мир или нет? Да или нет? Верить ли телекомментаторам, обещающим кремацию человечества?

Там, на кухне, я вдруг захотел все забыть: убежище, атомную бомбу, гражданскую оборону. Я захотел быть как все. Но тогда я мог превратиться в своего бывшего друга и стал бы носиться с лакмусовыми бумажками и пробирочками с кислотой. Я видел себя с набором юного химика. На всю оставшуюся жизнь. Вот я делаю анализы камней, перьев и прочей ерунды, чтобы узнать их особенные свойства. Беспросветное будущее.

После ужина я помог матери убрать посуду, посмотрел телевизор и отправился спать. Но не смог заснуть. Я боялся. Зл себя. До настоящего времени я был обычным, здоровым ребенком без комплексов и прочего. Но сейчас мне казалось, что все мое будущее было поставлено на карту. Я лежал, прижав к животу подушку, и не мог избавиться от страха. Да, бомбы все же были, я не бегал от призраков, я не сошел с ума. Где-то там, за пределами взгляда, была крылатая ракета, а на ней — мое имя. Я метался по постели, сворачивался калачиком, разворачивался, пробуя самые разнообразные позы.

Возможно, я спал. Недолго. Крылатая ракета просвистела над нашим домом и едва не задела нас. Я чуть не умер. Вдали вздрогнула земля. Плавники континентальных ракет двигались в темноте. У меня перехватило дыхание. Ветчина зашипела в соседней комнате, запахло горящим жиром. Вдруг на небе затрепетали голуби. Миллионы голубей, все голуби Земли летели домой. Их глаза поблескивали, как изотопы. Их клекот был истошен и тонок, как сирена. Я вскочил. В дальнем окне зудела и стучала единственная муха.

Она исполнила танец смерти и затихла. Раскаленная лава текла по улицам Чикаго. Канзас был в огне. По всем США, от океана до океана, электрические приборы включались сами по себе: стиральные машины ревели в сумасшедших циклах, орали радиоприемники, автоматы освобождались от содержимого, компьютеры выплевывали блоки памяти.

Я вцепился в подушку и смотрел, как Луна стремительно удаляется от Земли. И тогда пришли вспышки. Ночь обезумела. Арки вспышек соединили континенты, словно красные радуги, позолоченные снизу. Красные вспышки, серебряные вспышки и ослепительные бесцветные вспышки объединялись и распадалась, становились ярче, ярче: раскаленные элементы природы сливались в расплавленную реку, мчащуюся вон из вселенной. Я был подавлен. Я наблюдал.

В Африке вымерли все животные. Подводные лодки пошли ко дну. Джунгли прогудели насекомыми и вдруг затихли. На всех яйцах планеты треснула скорлупа. В доли секунды организмы рождались и умирали. Мраморные соборы горели, как свечи.

Я схватил подушку и одеяло и бросился в подвал. Там было холодно, сыро и тихо, как в космосе.

— Ты, — прошептал я, — жалкая пылинка.

И все же в убежище мне было спокойней.

— Полоумный осел, — сказал я. Наверное, я сказал это слишком громко, потому что в тот же миг рядом оказался отец. Он влез под стол и обнял меня.

— Уильям, — сказал он, — все в порядке, все в порядке.

Он крепко прижал меня к себе, и я почувствовал жар его подмышек.

— Все в порядке, малыш, — повторил он. — Никаких проблем. У тебя хорошее убежище. Правда. Ты сделаешь из него неприступную крепость. Почему бы и нет? Это лучше, чем ничего. Так?

Он подвел меня к ступеням лестницы, и мы сели. Отец был в пижаме и в тапочках и выглядел очень глупо, но я ничего не сказал. Я все еще всхлипывал и прижимался к нему.

Я рассказал ему о вспышках, о шипящей ветчине — обо всем, что приходило в тот момент в голову, и отец слушал, прижимал меня к себе и говорил: «Понимаю, понимаю», — и я успокоился.

— Итак, — сказал он.

Но мы не двинулись с места. Словно первые люди Земли, или последние, мы смотрели на это жалкое убежище. Как на костер. Смотрели на него, и словно были в пещере с человекообразными обезьянами и наскальными рисунками.

Уже светало, когда мы поднялись наверх. Я дошел до постели и сразу заснул.

Сокращенный перевод с английского
С. ВЛАДИМИРОВА

ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ

Мир — общее достояние человечества, а в наше время — и первейшее условие его существования. Только совместными усилиями он может и должен быть сохранен и надежно обеспечен.

Из Обращения Верховного Совета СССР
«К парламентам и народам мира»

Советские люди с большим вниманием и симпатией следили за ходом «Марша мира-81». Нам близки и понятны те благородные мотивы, которые побудили его участников отправиться в столь долгий путь, которые заставили тысячи людей в разных странах присоединиться к этой инициативе.

Л. И. Брежнев

«ПРОЙДИ С НАМИ ХОТЯ БЫ КИЛОМЕТР!»

РЕПОРТАЖИ ИЗ КОЛОНН «МАРША МИРА-81»

Нынешнее лето в Западной Европе было беспрецедентным по числу антивоенных выступлений, в них приняли участие сотни тысяч людей. Мы попробуем рассказать об одном из самых ярких событий, «Марше мира-81». Его задумали три норвежские женщины — Эва Норланд, Ракеле Педерсен и Венке Сёранг. С какой целью?

Эва НОРЛАНД, профессор университета в Осло, сказала так:

Нас крайне волновали сообщения об усилении напряженности в мире и особенно в Европе. Нас стал преследовать страх за будущее, за будущее наших детей. Мы же понимаем, что если разразится ядерная война, то Западную Европу ожидает неминуемое опустошение. И мы решили привлечь внимание людей к этой опасности.

Сначала мы хотели организовать «Марш мира» только от имени норвежских женщин. Но передумали — ведь защита мира в Европе не может быть делом лишь нашей организации. И вот

Венке, Ракеле и я разослали письма различным организациям и движениям сторонников мира с предложением организовать массовый поход совместными усилиями. Мы заявили, что для создания безъядерной зоны в Европе завтра надо уже сегодня бороться за превращение европейского Севера в зону, свободную от атомного оружия.

Марш начался в Копенгагене 22 июня, в сороковую годовщину нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, а завершился 6—9 августа в Париже Фестивалем мира. Августовские даты были выбраны не случайно: в памяти народов они навсегда связаны с трагедией двух японских городов — Хиросимы и Нагасаки. В главной колонне шли женщины, представлявшие Норвегию, Швецию, Данию и Финляндию. Они прошли пешком от Копенгагена — через Западную Германию, Голландию, Бельгию и Францию — до Парижа.

По сути, этот марш начался задолго до 22 июня. Особенно широко к нему готовились в Норвегии.

Рассказывает член правления Северонорвежского комитета мира Ситсель КОРСВОЛД:

Я живу в области Тромс. Мы взяли белую простыню и вышли на ней карту нашей области с границами всех ее двадцати коммун. 17 мая, в День конституции, мы провели в главном городе области, Тромсё, «Марш мира», который закончился митингом. Сотни людей на улицах аплодировали и кричали: «Молодцы! Мы с вами!» А под конец митинга мы сделали вот что. Намазали краской ножку пятилетней девочки, дочери одной из активисток нашего движения, и оставили отпечаток ноги на карте-простыне там, где значится наша область. Зачем? Мы же проводим «Марш мира» прежде всего ради наших детей, чтобы они не узнали ужасов атомной войны. След детской ноги — это и есть, по-моему, символ марша.

Наш необычный транспарант обошел все коммуны Тромса, и каждая оставила такой же отпечаток. В Норвегии двадцать областей, и в каждой подобный транспарант передавался из коммуны в коммуну. А это значит, что в ходе подготовки марша Копенгаген — Париж состоялось четыреста демонстраций и митингов, проведенных буквально во всех уголках страны. Нам было что везти в Копенгаген.

Рассказывает специальный корреспондент шведской газеты «Дагенс нюхетер» Кристина БОМАН:

Утро 22 июня выдалось на славу. Уставшие от дождей, поливавших всю неделю, жители датской столицы довольно щурятся на солнышко. Сверкает трава, дымится еще мокрый от недавнего дождя асфальт. На площади Сёндермаркен, напротив зоопарка (и — не забудем — напротив военного училища), гудит живописный табор. Полиция подсчитала и сообщила репортерам: тысячи три, а то и все пять.

Пора! Развернули транспаранты: «Нет — войне!» Двинулись.

Мы идем мимо красных кирпичных стен копенгагенского предместья, мимо живых заборов из цветущих роз, мимо зеркальных, небесно-голубых прудов. Пританцовываем, чтобы размять затекшие от долгого ожидания на площади ноги, пробуем запеть, шарим по карманам, проверяя, не забыли ли пластырь: волдыри натрем — это уж непременно. Дорога неблизкая — тысяча с гаком километров. Конечная цель — Париж. Остряки уже и частушку сочинили: «Торопись, друг мира, в город городов, он тебя в свои объятья заключить готов».

На первый день цель скромная — тридцать два километра, до старинного городка Роскилле. О Париже лучше пока не думать.

Весь путь одолеют, конечно, немногие. Но ведь не в этом дело. Лозунг похода: «Пройди с нами хотя бы километр, а захочешь — и всю тысячу!» Датские организаторы получили накануне около трехсот заявок на теплоход, который 27 и 28 июня переправит

участников из Корсёра в западногерманский порт Киль. Еще не поздно присоединиться — заявки принимаются до 26-го.

Колонны марша сильно пополнятся в Западной Германии и Голландии, где в последнее время движение за мир приобрело большой размах. На территории Бельгии к участникам присоединятся пятьсот англичан. Марш стал интернациональным с самого начала. В нем, между прочим, участвуют три монаха и монахиня из Японии. Они идут в голове колонны, бьют в барабаны и поют песни о борьбе за мир. Японцы везут с собой выставку о Хиросиме и Нагасаки.

Копенгагенцы тем временем могут поломать голову над задачкой, которую они прочли в листовке, распространявшейся в эти дни: «Если закупка военного снаряжения на три миллиарда крон обеспечивает занятость для одной тысячи человек в течение десяти лет, то насколько большая нужна война, чтобы ликвидировать безработицу вообще?»

Рассказывает специальный корреспондент датской газеты «Ланг оф фольк» Карстен АНДЕРССЕН:

Эйгиль Нильсен из Роскилле намерен проделать весь путь до Парижа. Не совсем пешком, правда. Он инвалид и едет в коляске, приводимой в движение ручным рычагом. Встречные люди подбадривают его, но он и так не унывает.

Свою коляску Эйгиль называет в честь революционного крейсера «Потемкиным». Над головой Эйгиля раскрытый зонтик — и от дождя, и от солнца. Он ухитряется двигать коляску и одновременно играть на волынке. В Киле он величаво съезжал с теплохода на своем «Потемкине», наигрывая мелодию Бетховена, к удовольствию операторов местного телевидения.

Карла Якобсен из Стенсва уже отметила свое 77-летие. Она решила идти до самого Парижа. Яну Гревсе семьдесят четыре. Он из Норвегии. Ради той большой цели, которую ставят себе участники марша, надо трудиться всем вместе, говорит Гревсе. Вот и он решил поучаствовать лично в общем деле.

У шестидесятилетнего немца, с которым я разговаривал, свои причины. Он однажды уже участвовал в марше. В марше совсем иного рода. «Во имя зла», как он говорит. В 1941 году он шагнул на восток. Его путь закончился тогда пленом под Ленинградом. Сейчас он считает, что просто обязан идти вместе со всеми в поход против войны.

Типичным, правда, его пример не назовешь. Пожилые немцы, как правило, только приветливо кивают нам издалека, не покидая своих клумб и огородов. Что-то, видимо, удерживает их от активного участия в нашем деле. Западногерманское движение за мир, насколько можно судить по людям, нас принимающим, состоит главным образом из молодежи.

С нами идет, а лучше сказать, бежит

одна шведская спортсменка. Ее специальность — бег на длинные дистанции, и она придумала, как с пользой для всех применить свои способности: непрерывно бежит от головы колонны в конец и обратно, собирая среди зрителей пожертвования в фонд мира. Уже набралась приличная сумма.

Вот еще колоритная фигура в колонне марша: темнокожая молодая женщина Брэди Бейкер, учительница из Вашингтона.

— Меня послала организация «Женщины, боритесь за мир». Мы у себя тоже не сидим сложа руки.

Она рассказывает, что в 1976 году участвовала в «Марше мира» от западного побережья США до Вашингтона. С января по сентябрь 1982 года опять состоится такой же марш.

В Корсёре нас ожидал приятный сюрприз. По счастливому совпадению как раз в эти дни здесь выступали Олег Попов и ансамбль «Калинка». Надо ли говорить, как украсило их выступление празднества, организованные в городе по случаю «Марша мира».

В Оснабрюке делегацию от марша принял бургомистр, социал-демократ Эрнст Вебер. Он хорошо помнит страшные разрушения во время второй мировой войны и потому всецело присоединяется к лозунгу «Навсегда исключить войну!».

Не во всех городах марш проходит гладко. Так, один бургомистр, христианский демократ, использовал свое выступление перед участниками марша для грубых выпадов против Советского Союза. Надо сказать, коммунистов среди участников марша далеко не большинство, но речь бургомистра вывела всех из терпения. Его освистали, поднялся страшный гвалт. Люди требовали лишить его слова. Что и было сделано.

Если местные газеты описывают «Марш мира-81» довольно подробно, то крупная пресса о нем помалкивает. Впечатление такое, что марш хотя и остороженько выпроводить из страны, без эксцессов и без лишнего шума. Будто его и не было. Но, несмотря на эти старания, марш привлекает к себе внимание многих тысяч людей, особенно в больших городах.

Кстати, любопытно, что в отношении к маршу со стороны западногерманских военных и полиции заметна большая разница. Военные пытаются то ли просто потрепать нам нервы, то ли запугать. Над нашими головами на низкой высоте то и дело с ревом проносятся истребители.

Полиция же, напротив, не иначе как получила приказ вести себя корректно, если не доброжелательно, видимо, чтобы не заработать себе плохую репутацию за границей. Ведь известно, как жестоко западногерманская полиция расправляется с демонстрациями. С официальной точки зрения, «Марш мира» должен выглядеть как раз такой манифестацией, которую следует разгромить без пощады. Однако этого не случается. Полицейские сопровождают

колонну на велосипедах (чтобы не загрязнять воздух), они крайне предупредительны, откликаются на просьбы о мелких услугах (скажем, переслать забытый на предыдущем месте ночлега багаж).

К маршу присоединяется все больше народу. В Мюнстер вошла колонна из пятисот человек, в Косфельд (двумя днями позднее) — из семисот пятидесяти. А когда шли по городским улицам, демонстрация насчитывала тысячи человек.

Большая праздничная программа в Мюнстере собрала столько людей, что зал был забит до отказа, но всех желающих вместить не смог. Город два дня жил, как писали местные газеты, «под знаком «Марша мира». В это же время в Мюнстере состоялся джазовый фестиваль. Музыканты написали письма солидарности в адрес «Марша мира». И тут же, во время концерта, был устроен аукцион по распродаже этих писем, а деньги пошли в фонд марша.

Запомнилось выступление пастора Вернера Санеса в Косфельде 12 июля. «Ваша цель — безъядерная зона в Северной Европе, — сказал он. — Тем самым вы показываете, что отвергаете антисоветские вымыслы и рассматриваете Советский Союз как надежного партнера по переговорам. Вы знаете, что он предоставит гарантии вашей безопасности, если вы откажетесь от ядерного вооружения».

16 июля, как и было намечено, «Марш мира-81» вступил на землю Голландии.

Первый городок на нашем пути — Венрай. Под звон церковных колоколов его две тысячи жителей высыпали нам навстречу, размахивая флагами и транспарантами: «Голландия без атомного оружия», «Мир без атомного оружия».

Вечером мы смотрим телевизионный репортаж о встрече в Венрае и вспоминаем, как негостеприимно повел себя бургомистр последнего на нашем пути западногерманского городка. За пять часов до нашего прихода он запер ратушу, опасаясь, как бы мы ее не захватили по примеру «самовольных новоселов»¹.

Но главное разочарование последнего дня на западногерманской земле было по другому поводу. Руководство марша решило изменить намеченный заранее путь, и мы уже не попадали к ракетным базам, расположенным у границы с Голландией. Поступили так: на развилке, где одна дорога поворачивала к базам, провели две минуты молчания и запустили воздушные шары.

Общее впечатление от похода по ФРГ: люди отнеслись к нашему маршу с большой симпатией, но все-таки чувствовалось, что они побаивались, как бы их не взяли на заметку.

Наш путь по Голландии усыпан цветами в буквальном смысле. Каждый город встречает нас колокольным звоном.

В воскресенье 19 июля собор Эйндохвен и прилегающую площадь заполнила толпа людей. От имени верующих сторонников мира выступил Леон Векке. «В кругах НАТО, — сказал он, — пользуются выражением «голландская болезнь». Имеется в виду широкое распространение в Голландии движения борьбы за мир. Ну что же, мы можем гордиться, что «Марш мира-81» помогает распространять эпидемию этой «болезни» по Западной Европе. Но кто в действительности болен? Мы? Нет, те политики, которые выступают за размещение ракет среднего радиуса действия и тем самым толкают мир к пропасти».

Затем выступил активист голландского движения «Остановить нейтронную бомбу». «Каждую субботу мы пикетируем на главной площади, протестуем против планов размещения в Западной Европе нейтронного оружия и новых ракет НАТО. У нас в Эйндохвене движение сторонников мира стало большой силой».

Это можно сказать и обо всей Голландии. В 1979 году мощное движение общественного мнения заставило правительство отказаться от принятия решения о размещении новых американских ядерных ракет, отложив его на два года. Этой осенью новому составу парламента предстоит сказать «да» или «нет». Голландские сторонники мира намечают устроить 21 ноября день протеста против принятия новых ракет на территории страны. Это будет как раз перед сессией парламента.

Колонны все разрастаются, и у нас стали возникать кое-какие житейские проблемы. Но где бы мы ни шли — по ФРГ, Голландии, Бельгии, а сейчас по Франции, — радушные хозяева помогали быстро все уладить.

В четверг 30 июля созданы рабочие группы, в которых состоятся дискуссии о значении марша и о том, как в будущем проводить в жизнь идеи, ради которых он предпринят. Решено направить обращения НАТО и Организации Варшавского Договора, в которых рассказать о целях марша. Ранее уже были посланы письма главам правительств тех стран, по которым лежал наш путь. Участники «Марша мира» обратились также с телеграммами к президентам Л. И. Брежневу и Р. Рейгану. Они просят их высказаться по поводу идеи безъядерной зоны на севере Европы.

Через три дня мы придем в Париж. Пройдена тысяча километров. Полтора миллиона шагов. Наш символический голубь, сидящий на земном шаре, держится молодцом. То же можно сказать о самом марше. Я давно не видел такого собрания оптимистов. Нас уже 1750 человек, считая датчан, только что прибывших на шести автобусах. Они привезли с собой восемь больших палаток — на сто человек. Эти палатки посланы детским летним лагерем Ком-

мунистической молодежи Дании и из Парижа будут срочно доставлены в Копенгаген, где как раз начнется большой фестиваль газеты «Ланд оф фольк». Говорят, придут еще 20—30 автобусов из Норвегии.

Решению самых разных проблем очень способствовало создание в последнюю неделю так называемых рабочих групп. Помимо хозяйственных забот, которые они взяли на себя (ночлег, перевоз багажа, транспорт, пропитание), эти группы оказались удачной формой ведения дискуссий. Интересный и полезный разговор состоялся в Компьене. Участники обсуждали перспективы движения сторонников мира в Западной Европе и США — то, на что у них до сих пор не хватало времени.

Вторник 4 августа. Нас уже три тысячи человек, и еще сегодня будет пополнение. Ожидаются автобусы из Греции, Западного Берлина, Скандинавских стран. К маршу присоединилась шотландская группа «Кампания за ядерное разоружение», требующая убрать натовские ракеты из Шотландии.

Солнце печет невыносимо. Выручают французские пожарники. Они уже несколько раз поливали нас. Впрочем, мы уже к этому привыкли: нас часто окатывали водой приветливые дачники.

Последний переход на редкость труден. Тридцать пять километров в сумасшедшую жару. Но вот наконец и Париж. Пятитысячная процессия втягивается в «красный пояс» столицы Франции, рабочие предместья.

Когда головные колонны подходили к площади Бастилии, солнце отгородилось наконец тучами и полил дождь. Старинная площадь оказалась мала для «Марша мира», и колонны двинулись в зеленый район Пор-де-Венсенн.

Сегодня, 6 августа, исполняется тридцать шесть лет с того дня, когда США сбросили атомную бомбу на Хиросиму. Делегация «Марша мира» посетила советское посольство в Париже, где ей было вручено письмо Л. И. Брежнева. Представители «Марша мира», собравшиеся в здании ЮНЕСКО, радостно зааплодировали, когда узнали о послании главы КПСС и Советского государства. Слушали текст с огромным вниманием.

Ответа от президента США все еще нет, заметила одна из инициаторов похода — норвежка Ракеле Педерсен, принимая документ от советского поверенного в делах. Она не знала, что ответ уже есть: именно 6 августа Рейган отдал приказ о полномасштабном производстве нейтронного оружия.

9 августа, 12.00, ипподром де Пантен. Тысячи людей застыли на две минуты в молчании. В этот день в 1945 году вторая американская атомная бомба превратила в ад еще один японский город — Нагасаки. Тысячи людей застыли в молчании. Они думают...

(По материалам зарубежных газет подготовил Б. СЕНЬКИН)

¹ Имеются в виду люди, вселяющиеся в пустые дома без разрешения властей. Подробнее об этом движении см. в «Ровеснике» № 9 за 1981 год.

ГИМАЛАИ ШУТИТЬ НЕ ЛЮБЯТ

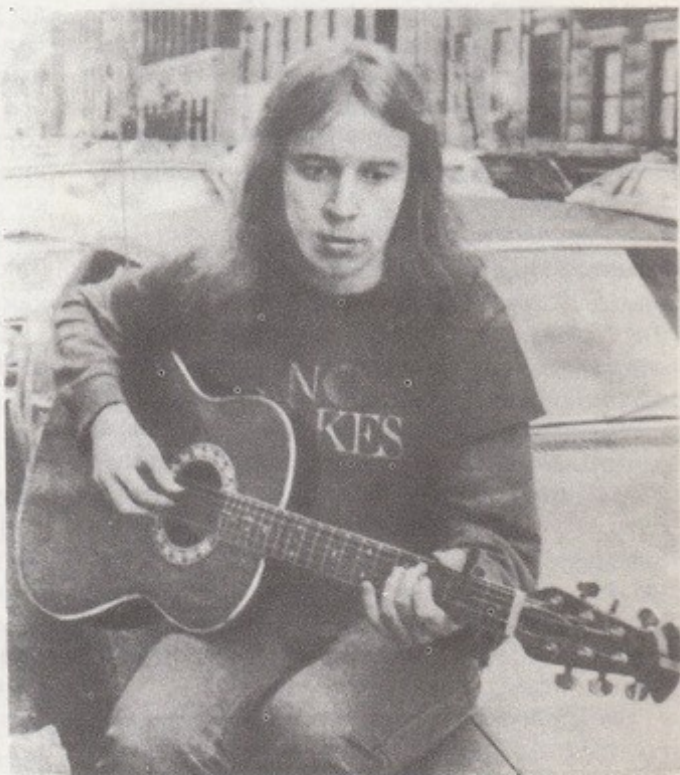
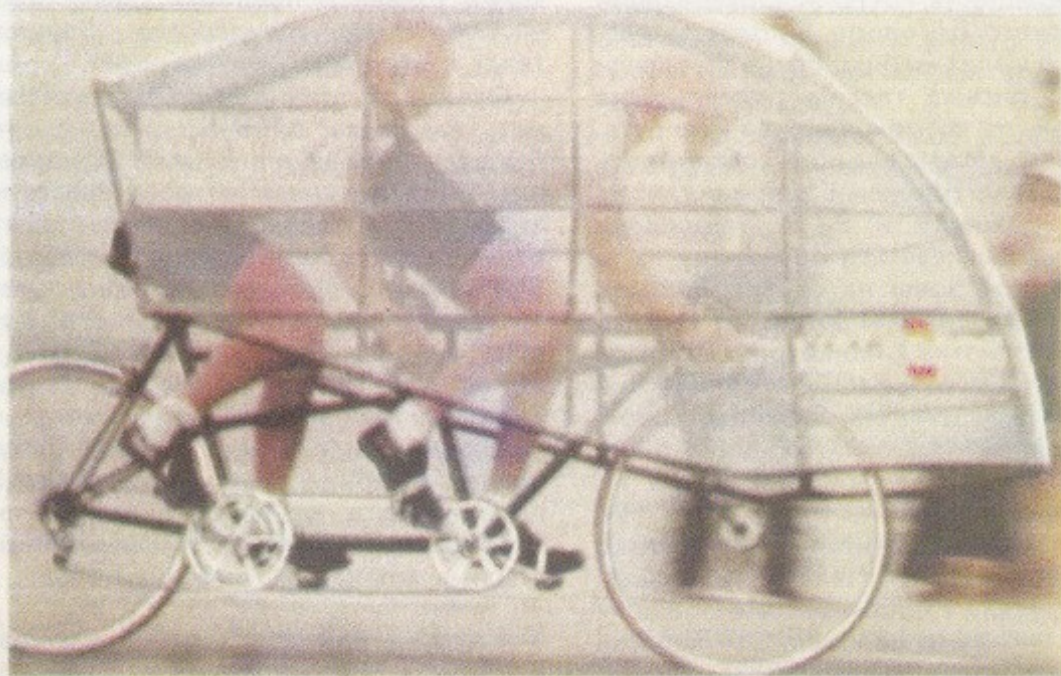
Такого не видели даже умудренные опытом шерпы. Вниз по Марсианди, священной, непокорной, смертоносной Марсианди, осторожно огибая каждый уступ, обходя водовороты и водопады, скользили каяки, ведомые опытнейшими английскими спортсменами. Река берет начало в озере Менанг, на высоте четырех тысяч метров в непальской части Гималаев и стремительно несется вниз. Температура воды — плюс два. «Мы выбрали для экспедиции самых выносливых ребят, — говорит бристолец Боб Смит. — И все они были на пределе своих возможностей». А старые охотники-шерпы, наблюдая с берега, недоумевали: зачем понадобилось этим мужчинам совершать спуск, ежеминутно грозящий гибелью?

«ПОИГРАЕМ В ВОЙНУ!» Под таким девизом трудится Джеймс Ф. Данниген, владелец одной из американских фабрик игрушек. Сперва Данниген выпускал игры — на листе картона и с пластмассовыми солдатиками, — основой которых были крупные исторические битвы, например «Ватерлоо». Затем появились игры, навеянные вьетнамской войной, нефтяным кризисом, китайским вторжением во Вьетнам и, наконец, вашингтонской истерией по поводу «советской угрозы». Последняя игра называется «Будущая война», сюжет ее незамысловат: «Государства восточного блока совершают нападение на Западную Европу». Эта игра настолько понравилась отделу подготовки офицерских кадров Пентагона, что он закупил ее оптом для своих учебных занятий.

ДОЛОЙ БЕНЗОКОЛОНКИ!

В Помоне, штат Калифорния, состоялись не совсем обычные гонки. Соревновались педальные машины, но не детские, а для взрослых. Это новое транспортное средство стало настолько популярным в США, что кое-где «веломобили» начали вытеснять обычные велосипеды. В чем секрет новшества? «В скорости и удобстве, — говорит олимпийский чемпион конькобежец Эрик Хайден, тоже участник соревнований. — Главное — выбрать верный ритм, и вы мигом наберете скорость 75 километров в час».

ОТВЕТ РЮДИГЕРА МАТУРЫ

«Атомные бомбы? Нет уж, спасибо!» Сколько людей в мире подписались бы сегодня под этими словами! Но это не воззвание и не цитата из выступления на антивоенном митинге. Это название пластинки с песнями 25-летнего композитора и певца из ФРГ Рюдигера Матуры. Некоторые из песен второй пластинки Матуры «Опять настали тяжелые времена» посвящены расовым волнениям в Майами. Именно злободневностью тем, остротой сюжета, свойственным песням Матуры, и объясняется признание, которое получил певец у публики и профессионалов. Критики называют Матуру «пророком политической песни 80-х годов» и последователем Боба Дилана и Пита Сигера.

А ЧТО РИСУЮТ?

— Дорогой, не забудь, что сухарей у тебя только до 1987 года.

«Штерн», Гамбург

О СПЕЛЫХ ТОМАТАХ И НЕГРАМОТНЫХ КРЕСТЬЯНАХ

Все началось с болезни маленького сынишки Марии Моралес, крестьянки из долины Кулиакан, пограничном с США районе Мексики. Диагноз: сильнейшее отравление ядохимикатами, применяющимися для обработки плантаций. Долина Кулиакан — главный поставщик томатов, огурцов, сладкого перца и бобов в южные штаты США. А потребитель, в свою очередь, поставляет производителям химикаты, запрещенные на территории США и в Европе из-за опасности здоровью при обращении с ними. Правда, на канистрах для Мексики есть маленькая надпись: «Осторожно — яд!» Но разве полуграмотные крестьяне из Кулиакана обращают на нее внимание? «Необходимо надевать спецмаски и спецодежду». Да они возятся с баллонами босиком и в драных шортах! «Сразу после использования пластиковые контейнеры следует уничтожать». Такую ценность? Да в крестьянских семьях их используют в качестве стульев и столов! И еще как ванны для купания детей...

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

Кажется, наконец-то изобретено действенное средство защиты аквалангистов от акул. Изобрел его американец Рон Тэйлор, припомнив хорошо забытое старое: рыцарские доспехи. Из пятидесяти тысяч стальных колечек была изготовлена кольчуга, в кольчугу одели жену изобретателя и отправили ее прямо в акулю пасть. Пока акулы жевали жену (она, к счастью, оказалась им не по зубам), славный рыцарь Рон делал эти прославившие его снимки.

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В ИНТЕРЬЕРЕ

Перед вами — североирландский художник Брендан Эллис в своей мастерской, окна которой смотрят на одну из улиц католического гетто Белфаста. Рядом с художником — его полотно, вид из окна мастерской.

«Я не политик, я художник, — говорит Эллис. — Я просто рисую то, что вижу. А вижу я насилие на улицах, террор, отчаянье и ужас — нашу жизнь. И даже если кто-то захочет оставаться нейтральным, не принимать ничьей стороны, засесть в своей мастерской — она не станет башней из слоновой кости. Скорее крепостью, чьи стены штурмом берет политика. И — побеждает. Потому что художник всегда был и будет на стороне тех, кто угнетен. Иначе он не художник».

В голубой свет прожекторов входит высокий сутуловатый человек. Он не улыбается, не раскланивается, он внимательно смотрит в зал. На нем простой темный костюм, черный галстук. Скрытый за вторым занавесом оркестр начинает тихо наигрывать мелодию, следует аккорд в полную силу:

Слишком просто войти в церковь,
Излить все мерзости,
накопившиеся в душе,
Перед кюре, который, в сером
свете,
Закрывает глаза, чтобы легче
было простить нас.

Помолчи же, Большой Жак,
Что ты знаешь о господе боге?
Церковные гимны, икона —
Больше ты ничего не знаешь.

Слишком легко, когда окончены
войны,
Орать, что эта была последней.
Друг буржуа, я вам завидую —
Вы совсем не замечаете ваших
кладбищ.

Помолчи же, Большой Жак,
И пусть они кричат,
Пусть они плачут от радости.
Помолчи ты, который даже
не был солдатом...

И скажи себе, Большой Жак,
Повторяй-ка себе почаще:
Слишком просто
Притворяться...

Человек в черном костюме внимательно смотрит в зал, проверяет, как он реагирует на имя Большой Жак — презрительную кличку французского буржуа.

Зал реагирует так, как и ожидалось, — зал ежится, залу не по себе, но зал делает вид, что это не о нем. Каждый уверен, что Большой Жак — это уж точно не он. И потому каждый аплодирует с удвоенным рвением.

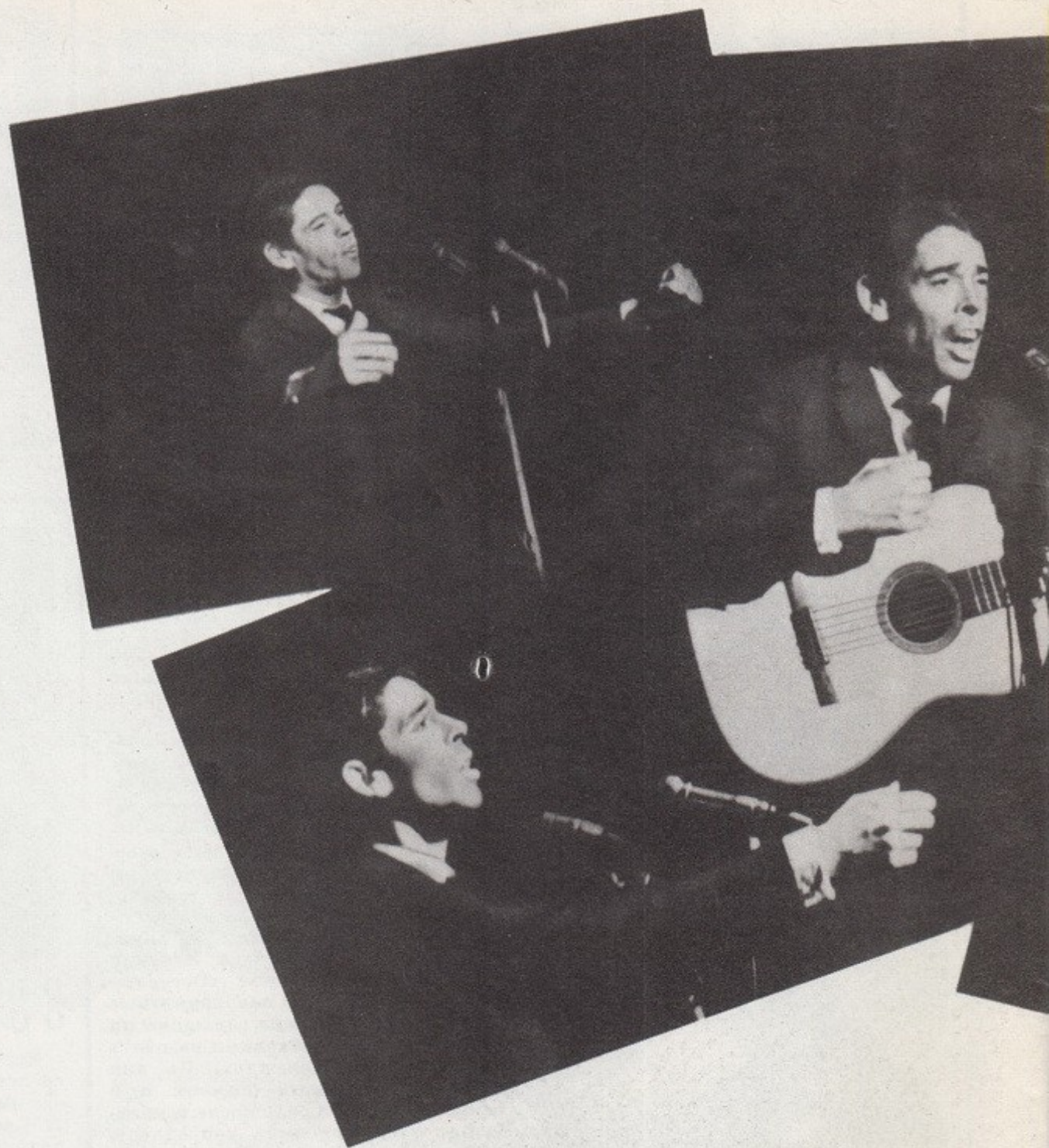
Но человек в черном костюме милосерден. Взмахом руки он подает сигнал оркестру, и шум в зале гаснет.

Разреши мне стать
тенью твоей тени,
тенью твоей руки,
тенью твоей собаки...
Не покидай меня...

Он не играл, не протягивал рук, не смотрел вдаль молящими глазами. Он стоял перед микрофоном весь сжавшись, втянув голову в плечи, зажмурив глаза, как в ожидании неминуемого удара.

Эта песня сделала певца — Жака Брея — всемирно известным. Ее исполняли на многих языках десятки певцов, но никто не мог спеть ее лучше автора.

Как пишутся биографические очерки? Родился в двадцать девятом в Бельгии, в семье владельца картонной фабрики. Сказанное предполагает, раз стал певцом, значит, пришлось пройти через

ДОН-КИХОТ ИЗ БРЮССЕЛЯ

Николай БАРАТОВ
Фото автора

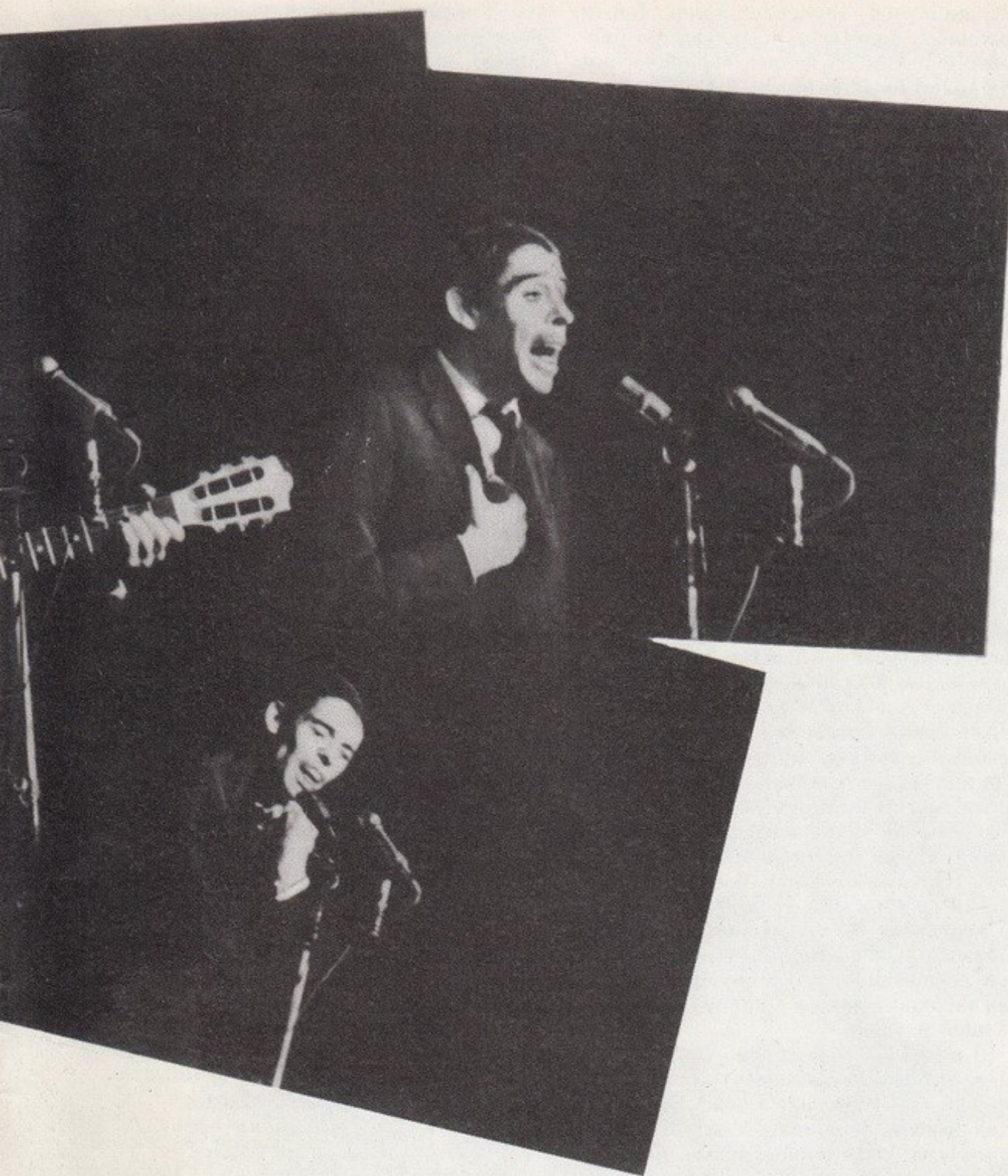
бунт и отлучение — владельцы фабрик вряд ли хотят видеть своих детей артистами. Да, и у Брея было так: бегство от семьи, первая запись, тайком пересланная другом в Париж известному открывателю талантов Жаку Канетти, приглашение приехать на прослушивание и...

И вот тут сбой. Никакого успеха, никаких надежд, выпрошенное у владельца какого-то кафе разрешение петь вечерами — Брель платил за право петь мытьем посуды. И так пять лет. Это

очень долго. Обычно блудные сыновья в таких случаях либо возвращаются в родительское лоно, либо начинают петь то, что всем угодно, либо...

За эти пять лет Брель еще сильнее возненавидел среду, из которой вышел. И стихи его стали еще более беспощадными.

С сердцами в тепле и холе,
с глазами в кружке пива,
у толстого Адриенна
де Монталана,

с другом Жожо
и другом Пьером
мы пропивали свои двадцать лет.
Жожо воображал себя

Вольтером,
а Пьер — Казановой,
а я, самый гордый,
я воображал себя самым собой.
И когда около полуночи мимо нас
проходили нотариусы,
вышедшие из отеля

«Три фазана»,
мы издевались над ними
и пели им песню:

«Буржуа как свиньи,
чем старше, тем глупее.
Буржуа как свиньи,
чем старше, тем...»

С глазами, устремленными
в землю,
в баре отеля «Три фазана»
с метром Жожо
и метром Пьером
мы проводили время среди
других нотариусов.

Жожо рассуждает о Вольтере,
а Пьер — о Казанове,
а я, по-прежнему самый гордый,
я говорю о себе самом.
И когда мы выходим,
молодые повесы поют нам:

«Буржуа как свиньи,
чем старше, тем глупее,
буржуа как свиньи,
чем старше, тем...»

Он был молод и писал о любви, но как
писал! В 1957 году песня Жака Бреля
«Когда есть лишь любовь» получает
«Гран-при дю диск», и пластинка расхо-
дится миллионами экземпляров:

Когда есть лишь любовь,
чтобы ответить пушкам,
и только песня,
чтобы заглушить бой барабана.

Тогда, не имея ничего,
кроме силы любить,
мы возьмем в наши руки,
друзья, весь мир.

К нему шла слава. Он встречал ее с
открытым забралом. Он был нежен в
нежнейших своих песнях о любви, в них
он был беззащитен, и был он смел, когда
пел о том, что тупость и ханжество мо-
гут отравить, испоганить и любовь: че-
ловек приносит любимой не цветы,
нет, — купил конфет, потому что «слас-
ти красят наш буфет»; девушка прек-
расная танцует на площади, а обыва-
тели закрывают окна — они не хотят
смотреть на красоту.

Тупость и ханжество — в этом видел
он своих врагов и врагов всего мира.

До их появления мужчина был
принцем,
женщина принцессой,
а любовь — тихой провинцией.
Но вот они явились, и мужчина
стал нищим,
провинция умерла,
а принцесса продает себя.
Потому что они изобрели любовь,
которая грешна.
Любовь, которая превратилась
в сделку на рынке, где правят
сводницы.

И все это — с тех пор,
как они цивилизовались.
Обезьяны, обезьяны, обезьяны
из моего квартала.
До их появления на земле
царил мир.

Тогда на десять слонов
приходился только один военный,
Но вот они явились,
и ударами палок
государственный ум изгнал
разум.

Потому что они изобрели
железо, чтобы сажать на кол,
газовую камеру и электрический
стул,
и напалм, и атомную бомбу.

И все это с тех пор,
как они цивилизовались,
Обезьяны, обезьяны,
обезьяны из моего квартала.

«Обезьяны» негодовали: «Напоми-
наем вам, месье Брель, что до Брюсселя
часто ходят очень удобные поезда».

Но побороť его славу даже «обезья-
ны» не могли. Он сам ее победил. Он
мог бы спокойно жить и стричь купоны
со своего таланта, но тогда... Тогда это
было бы обезьянничанье. Жак Брель
решил иначе. Его мало интересовали
пластинки, ему нужно было живое об-
щение со зрителем. Он считал, что зал
надо брать приступом, как крепость,
и потому ему было неинтересно высту-
пать в столичных концертных залах,
где публика состоит в основном из пок-
лонников или, во всяком случае, из лю-
дей, уже знакомых с творчеством певца.
Жак Брель отправляется в глухие про-
винциальные городки, в которых редко
показываются звезды парижской эс-
трады.

Он месяцами — в день по концерту —
колесит из городка в городок, выступая
в кинотеатрах, в кафе, в дансингах,
отсыпаясь в автобусах и поездах. Так,
завоеывая зал за залом, он объехал

все самые дальние и глухие уголки Франции, так Жак Брель стал популярным певцом в прямом смысле этого слова, ведь первое значение французского слова «популяр» — «народный» и только потом — «популярный как известный, прославленный».

Их было два — народных певца Франции: Эдит Пиаф и Жак Брель. Их часто сравнивают, хотя что вроде бы может быть общего у людей со столь разной судьбой — дочери парижского дна и сына богатых брюссельских буржуа. Но ими владела одна страсть — песня, они оба не щадили себя, оба сжигали и в конце концов сожгли себя в огне собственного таланта. Так, Брель, если он не взмокал после третьей песни, — а их в каждом концерте никогда не было меньше шестнадцати, — считал, что он обманывает зрителя. За двухчасовое выступление, в течение которого он был вынужден по несколько раз менять рубашку, он терял по три килограмма веса. И так каждый концерт, независимо от того, полон ли зал, выступает он в Париже, Нью-Йорке или в захолустном городке канадского Квебека, французского Прованса или бельгийского Брабанта.

За хором
рыданий и плача
и за гневными криками
людей, которые полны страха,
за гулом
улиц истроек,
за воем сирен,
за руганью извозчиков,
за гамом детей,
играющих в войну,
и разговорами взрослых,
которые заставляют нас
устраивать эти войны,
мы должны слышать
птиц в глубине леса,
шепот лета,
кровь, которая бродит в твоих
жилах,
колыбельные матерей,
молитвы детей
и дыхание земли,
которая сладко засыпает.

Он умел петь о надежде, и он умел ненавидеть, потому что тупость и ханжество угрожали всей земле:

Мой друг каприз — настоящий
поэт.
В своем саду, когда приходит
лето,
надо видеть, как он сажает
свои автоматы
или же роет свои маленькие
траншеи...
Мой друг — тихий мечтатель.
Париж для него — казарма.
А рейх — небольшое поле,
засаженное цветами
и простирающееся от Москвы
до Оверни.
Он мечтает вновь увидеть
Париж весной,
продефилировать по нему
во главе своих солдат,
напевая веселую песенку
о Гретхен...

Социальное звучание песен Бреля нравилось далеко не всем. Помню разговор с одним из коллег, французским журналистом, с которым мы долго прожили бок о бок в одной африканской стране и даже немного подружились. Так вот, говоря о французских шансонье, мы «спелись» по поводу Шарля Азнавура, но совершенно разошлись в мнениях о Бреле.

— Брель — это грубо, неэстетично, его тяжело слушать, — сказал он. А узнав, что мне нравятся также песни Жоржа Брассенса и Сержа Реджани, рассмеявшись, добавил:

— Ну конечно, ведь ты красный.
— ?..

— Не удивляйся! У нас этих трех певцов больше всего любят молодые левые. И Брель ведь не случайно ездил на Всемирный фестиваль молодежи в Хельсинки и участвовал в праздниках «Юманите».

Сам Брель, наверное, только усмехнулся бы, услышав эти слова. Он не высказывал своих политических убеждений. За него это делали песни.

Но в чем был прав мой французский коллега, так это в том, что слушать песни Жака Бреля нелегко. Их нельзя использовать как музыку для танцев или в качестве фона во время застолья, когда гостям не о чем говорить. Песни Жака Бреля, как книга, требуют внимания и участия, они заставляют думать. Потому-то они и живут вот уже третий десяток лет. И будут жить долго в отличие от милых шлягеров, способных в лучшем случае вызвать приятное воспоминание о минувших годах, как засохший листок в давно не раскрывавшейся книге.

16 мая 1967 года, после концерта на сцене небольшого кинотеатра на окраине городка Рубе на севере Франции, Жак Брель неожиданно обратился к зрителям с лаконичной речью. Он сказал, что это его последнее выступление и он больше никогда не выйдет на эстраду. Никто тогда во Франции не хотел верить в серьезность принятого Брелем решения. Действительно, кто мог поверить в добровольный уход певца, находящегося в самом зените славы? Причина стала известна много лет спустя, а тогда газеты писали, что это каприз и Брель вернется. Но они ошибались, так же как ошибся отец Жака, уверенный в скором возвращении блудного сына на картонную фабрику.

Брель не бросает полностью артистическую жизнь. В 1960 году он ставит в Париже мюзикл «Человек из Ламанчи», переделав его на свой манер и написав основные песни. Он сам играет в нем Дон-Кихота — персонаж, близкий ему по духу, по мальчишеской вере в возможность победы над злом. Жак Брель продолжает сниматься в кино, он сыграл в 10 фильмах, в двух из них он был также режиссером. Советский зритель видел Жака Бреля в трех фильмах: «Профессиональный риск», «Убийцы во имя закона» и «Зануда». Он был прекрасным актером, но в кино пошел, похоже, из упрямства и желания прев-

зойти свой комплекс неполноценности — Жак Брель считал, что он очень некрасив. И он победил себя, сыграв самые разнообразные роли — провинциального учителя и рыцаря-любownika, смелого и решительного следователя и главаря банды анархистов.

А потом в 1969 году был полный уход, почти бегство — Жак Брель уплыл на яхте в неизвестном направлении, и даже вездесущие журналисты не могли отыскать его следа. Тогда же в газетах появились слухи, что Жак Брель тяжело болен и уехал умирать, прячась от чужих глаз, как смертельно раненное животное. Три года спустя он на несколько дней появился в Париже, чтобы инкогнито присутствовать на премьере американского музыкального, посвященного ему фильма, который назывался «Жак Брель жив, счастлив и живет в Париже». Журнал «Пари-матч» опубликовал тогда снимки — Жак Брель с искаженным от ярости лицом срывает с себя плащ, чтобы удобнее было дать взбучку увязавшимся за ним фоторепортерам.

Потом он поселяется на противоположной от Парижа стороне земного шара, на острове Хива-Оа, входящем в Маркизский архипелаг. Он знает, что неизлечимо болен, знает очень давно, но у него хватает силы и мужества бороться с разъедающим его недугом. Жак Брель продолжает писать песни, и в них все сильнее проявляется тема смерти.

Смерть ждет под подушкой,
что я забуду проснуться...
Смерть ждет меня в твоих
светлых руках,
которые должны будут закрыть
мои веки,
чтобы легче расстаться с
уходящим временем...

Эта песня так и называлась «Смерть», а в «Последнем ужине», одной из лучших своих песен, Жак Брель говорил:

В моей трубке я сожгу
мои воспоминания детства,
мои несбывшиеся мечты
и остатки надежд.
И я сохраню, чтобы одеть
мою душу,
лишь образ розового куста
и имя женщины...
И в запахе цветов,
который скоро угаснет,
я знаю, что мне станет страшно,
но это в последний раз.

Жак Брель был смелым человеком и боролся до последнего. В 1977 году он приехал в Париж и привез последние девятнадцать песен, двенадцать из них вышли на пластинке, которая называлась просто «Брель» и разошлась миллионом экземпляров. Франция не забыла его: Дон-Кихота, который хотел песнями победить зло и глупость. Он умер в 1978 году. Все его песни поют. Но никому не удалось еще спеть их лучше Жака Бреля.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

● ФИРМА БОЖЕСТВЕННОГО РАДЖНИША ● ЛЮБОВЬ ИЛИ ДЕНЬГИ? ● СПОСОБСТВУЮТ ЛИ БРЮКИ ЭМАНСАЦИИ? ● ТО ЛИ ЕЩЕ БУДЕТ... ● ДРЕССИРОВКА «ПОЛЕЗНЫХ КАДРОВ» ● ЧТО НА УМЕ У ГОСПОДИНА МОТОХАЗИ ●

«Я ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ ЖИЗНИ»

Ян ПЕТРАНЕК,
чехословацкий журналист

В понедельник я улетал в Индию, поэтому в пятницу мне обязательно надо было купить легкие хлопчатобумажные майки. В магазине оказались только желтые и оранжевые. Я купил по две каждого цвета. Так, сам того не ведая, я стал учеником божественного, вознесенного духом Раджниша.

Встреча первая. Несколько дней спустя с рюкзаком на спине я продирался по узкому проходу вагона. Рюкзак был такой же оранжевый, как и моя майка. В купе на шесть мест, где мне предстояло ехать до Бенареса, уже разместилась семья из восьми человек с огромными мешками; какой-то рассеянный парень, который тут же уснул на одной из полок для багажа; женщина, сидевшая на нижней полке в позе цветка лотоса и занимавшая по меньшей мере два места; американская пара в сопровождении молодого индийца и, наконец, я. Кое-как пристроившись в купе, я огляделся и увидел его. Он шел по узкому проходу, перешагивая через сидевших на полу людей, деревянные сундуки и плетеные корзины, и, казалось, кого-то искал. Не заметить его было трудно. Высокий, худой, с обритой наголо головой, в красных широченных штанах, подвязанных веревкой, и в оранжевой курточке, он бросался в глаза не только своим видом, но и манерой держаться. Отсутствующий взгляд, постоянная, словно приклеенная улыбка. Только светлые брови выдавали в нем европейца. Вдруг я понял, что тот, кого он ищет, это я. Он еще шире раздвинул улыбку и остановился передо мной.

— Любовь, — сказал он.

— Да, — ответил я, при этом я еще кивнул головой и тоже разулыбался. Это было, конечно, глупо, но лучшего я ничего не придумал. Но мой новый приятель был счастлив. Ответ, видно, был в духе конспиративных правил, а мою растерянность он не почувствовал.

— Когда ты видел Бхагвана в последний раз?

Все вокруг смотрели на меня, улыбались и ждали, что будет дальше. Я решил сразу же внести ясность, заявив, что в Индии я первый раз и всего пятый день и никакого Бхагвана не знаю и теперь еду в Бенарес. Мой приятель чуть подсобрал улыбку и начал быстро и тихо говорить:

— Все равно я рад, что тебя встретил. Какой твой родной язык? У меня есть несколько прекрасных Бхагвановых книг, но, к сожалению, ни одной на чешском. Был бы счастлив, если бы ты выбрал одну на английском. Дай мне две рупии.

У меня в руках оказалась брошюрка, а мои две рупии перекочевали к нему. Думаю, что выглядел я глупейшим образом.

Я вопросительно посмотрел на индийца, который сопровождал американскую пару. Он, поняв мой немой вопрос, сказал:

— Это из-за твоей оранжевой майки. Он спутал, думал, что ты тоже принадлежишь к людям Раджниша. А он один из них. Цвета солнца: красный, желтый, оранжевый — это их цвета.

— А кто такой Бхагван?

— А это все одно: Шри Бхагван Раджниш. Божественный и вознесенный духом Раджниш. Человек, который сделал из религии предприятие. Говорит, что он гуру (учитель, проповедник.—Р.). Рука у него твердая, и теперь на него работают сотни людей, а тысячи к нему приезжают со всего света.

— А где божество живет?

— В Пуне, недалеко от Бомбея. Там есть ашрам (что-то вроде храма или школы.—Р.), где собираются его последователи. Цирк, да и только.

Встреча вторая. Джомосом, непальская деревня в горной части долины реки Кали, конечный пункт пешей туристской тропы в Гималаях. Дальше начинаются неприступные горы. Я сидел перед входом в деревенский отель и размышлял: возвращаться ли мне в Катманду тем же пешим

путем, как я пришел сюда, или дожидаться самолета. Напротив меня сидела американка в красном платье, закутанная в оранжевую шаль, на груди у нее висел на шнуре большой портрет Раджниша. Ее терпению я мог только завидовать: целый день она раскладывала пасьянс, и ни разу он у нее не сошелся. Из Катманду я думал отправиться прямо в Пуну, поэтому решил подойти и поговорить с ней о Бхагване.

Звали ее Ма Девапрем. Мне имя показалось странным, и я переспросил.

— Ма Девапрем — это имя, которое мне дал Бхагван, оно означает Большая Любовь.

Сама она из Калифорнии, 32 года, не замужем, работала администратором в большом торговом предприятии, приехала в Пуну с подружкой полгода назад, подружка уехала, а она осталась, путешествуя пешком. Все свои сбережения перевела на имя Раджниша, и теперь у нее ничего нет. Родственники иногда ей присылают немного денег, на это она и живет. Бхагван научил ее терпению.

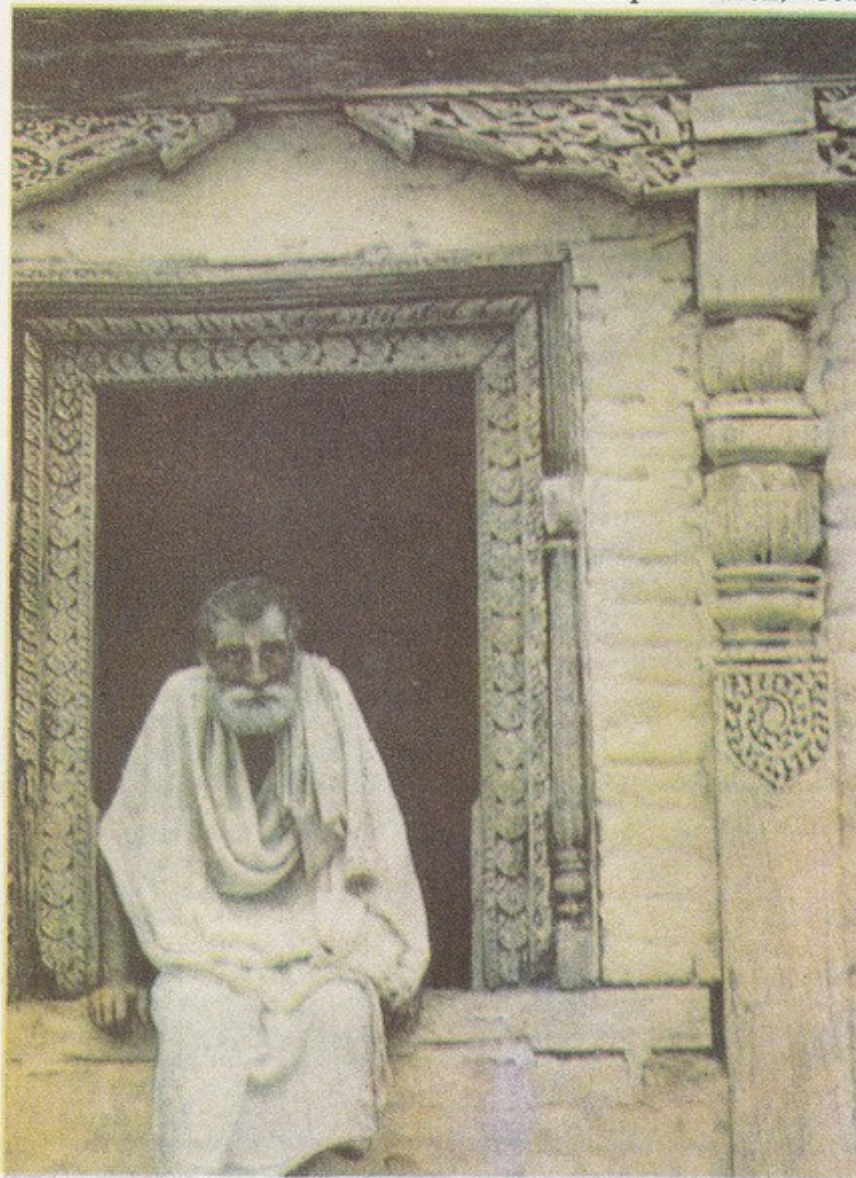
— Каждую минуту человек умирает, а в следующую рождается вновь. Поэтому надо забыть все прошлое и не думать о будущем.

Когда Ма Девапрем цитировала Учителя, взгляд ее становился отрешенным, судорожная улыбка растягивала рот, а в голосе звучали менторские нотки.

— Ничего нет выше Любви. В Любви расцветает мысль, Любовь наполняет нас жизнью... Иметь детей — это не проявление любви, а чистейший эгоизм. Дети мешают посвятить себя Любви. Я посоветовалась с Бхагваном и сделала себе операцию. Теперь у меня никогда не будет детей. Я выкорчевала из себя эгоизм... Я нашла свое счастье.

Минуту было тихо, потом Ма Девапрем сказала: «Хочу вернуться домой, в Штаты, написала родственникам, теперь жду денег. Боюсь, что там меня мало кто поймет».

Встреча третья. Я ехал в Пуну. В вагоне я был единственным иностранцем, и все ко мне относились очень ласково. Мой сосед, величественный старец с седой бородой, пытался узнать, кто я и куда еду. Он ткнул себя пальцем в грудь и сказал: «Бомбей». Я тоже ткнул себя пальцем в грудь и сказал: «Пуна» и, немного помолчав, добавил: «Шри Бхагван Раджниш». Гомерический хохот потряс вагон, только

старец из вежливости всеми силами сдерживал смех.

Пуна. Сразу с вокзала я пошел в ашрам. В отделе информации очень красивая и очень вежливая девушка сказала, что я могу попасть на аудиенцию к Раджнишу, если заплачу один доллар и пройду тест на запах. У входа в зал два служащих тщательно обнюхали всех посетителей. Божество не терпит запахов.

В окно я увидел, как подъехал «мерседес», шофер выскочил, открыл дверцу, Бхагван вышел и проследовал в зал.

Он хороший психолог, речь у него интеллигентная и убеждающая.

— Богатство, власть и престиж создают духовный вакуум. Запад в агонии. Люди так тщетно ищут учителя. Я не спешу, даю возможность каждому пройти свой путь с фальшивыми идеалами, с лживыми учителями, а потом все придут ко мне. Я не спешу... Бог вручил мне послание, и я должен передать его вам. Хочу, чтобы вы забыли все прошлое и расцвели, как самые прекрасные цветы, хочу, чтобы вы стали как птицы, которые возносятся в небо, хочу вас научить танцам месяца и звезд, песням водопадов. Я возлюбленный жизни, а жизнь для меня синоним бога.

На предприятии божественного и вознесенного духом ра-

ботает человек 150—200. Среди них много специалистов — выпускников лучших на Западе университетов: психиатров, психологов, администраторов. Они проводят занятия с группами учеников, управляют магазинами и гостиницами, обслуживающими иностранцев — учеников Раджниша. Предприятие включает в себя сыроваренный завод, сауну, издательство, отделения во Франции и Бразилии и, конечно, административный центр, куда сходятся все нити управления. Раджниш выпускает газету, книги и брошюры на нескольких европейских языках. Как я мог заметить, это вполне процветающая фирма с преданными и способными служащими.

Встреча четвертая. Я ждал свой самолет, чтобы лететь в Прагу. Очки, воспаленные глаза, отрешенный взгляд и бритая наголо голова. Это он. Меня он не узнал, но подошел, увидев оранжевую майку.

— Любовь. Я рад, что тебя встретил. У меня совсем нет денег, со вчерашнего дня не ел. Послушай, дай мне рупию.

На счастье, у меня осталась пара рупий. Я протянул ему их и вспомнил: «Я возлюбленный жизни, хочу научить вас видеть чарующий свод радуги, хочу научить вас жить в счастье».

Перевела с чешского
Д. ПРОШУНИНА

(«Млады свет»,
Чехословакия)

СТО ЛИТРОВ ПОТА И СЛЕЗ

Жан-Пьер РОБЕР,
французский журналист

Господин К. стоит по стойке «смирно», впервые взгляд в некую таинственную точку. Он говорит без остановки уже шесть минут. Внезапно голос его срывается, господин К. плачет: «Раньше я был на дурном пути. Я был ленив и некомпетентен. Но сейчас мой характер изменился. Когда я вернусь на работу, буду полезным кадром. Для блага предприятия». Сидящие на ковре двадцать взрослых мужчин безучастно внимают исповеди их сотоварища. Это происходит в Институте подготовки кадров, расположенном в местечке Фудзиноми в 150 километрах от Токио. Институт существует всего пятнадцать месяцев, но через него прошло уже тысяча триста служащих различных токийских предприятий. Курс длится тринадцать дней, учат-

ся одновременно примерно сто тридцать человек, и слава института так велика, что вплоть до будущей зимы все места уже забронированы. Институт создал господин Мотохази. Ему сорок лет, он круглолиц, улыбчив и явно горд собой. Девиз господина Мотохази: «Тринадцать дней в аду, сто литров пота и слез».

«Наша задача», — объясняет он, — чрезвычайно проста: научить правильно представляться, говорить и писать по форме, слушать». И повторяет с улыбкой: «Пот и слезы...»

Я видел и то и другое — и слезы и пот — в изобилии. Я пришел в четыре десять утра вместе с фотографом и переводчиком. Ученики уже встали. Им от 25 до 50, на всех одинаковые белые куртки с вышитым слева черным орлом,

кепи с длинным козырьком, у инструкторов на шее висят хронометры. Группы бодро направляются к ближайшему холму. С песней.

— Песня называется «Гимн продавца», — объясняет переводчик: — «То, что было произведено в поту, в поту должно быть продано. То, что было произведено в слезах, в слезах должно быть продано. Будьте мужественны, продавцы...»

Они мужественны, продавцы, на вершине холма они уже потеют. Начинаются гимнастические упражнения: наклоны, приседания и все в адском ритме. Затем речевые упражнения.

Хороший «кадр» должен уметь придавать своей речи нужный ритм и тембр. Поэтому, стоя по двое, лицом друг к другу, они вопят «до-ре-ми-фа-со-ль» или поют странную, медленную мелодию. В утреннем тумане они кажутся призраками из фильма о самураях.

У многих из призраков на куртках приколоты маленькие синие, черные, красные или желтые ленточки — символы упражнений, в которых они получили неудовлетворительную оценку: как только они улучшат результат, они смогут снять ленточку. С четырех тридцати утра и до девяти вечера ученики будут повторять одни и те же упражнения, пока не доведут их выполнение до полного автоматизма. Ленточки — это кошмар учеников. Они думают только о баллах да уроке. Они бубнят его, пока заправляют постель, они повторяют урок после утреннего туалета, твердят урок в парке, в коридорах. Это сильное зрелище. Они бормочут и бормочут, упершись головой в стену, а за ними наблюдают десять инструкторов и пять преподавателей.

Вот ученик стоит на дорожке, подняв лицо к облакам, и кричит третье правило: «Когда ты получаешь приказ, ты говоришь «да» и исполняешь его немедленно. Ты должен быть послушным, как собака, умным, как лиса, и храбрым, как лев».

Господин Маэда твердит урок, стоя перед елкой. Господин Маэда очень молоджав и несколько застенчив. «Я открываю в себе новую личность, — гордый взгляд господина Маэды блеснул сквозь залитые дождем очки. — В первую неделю мы совершили двадцатикилометровый марш. В прошлую ночь — сорокакิโลметровый». Ночной марш — одно из самых сильных средств. Каждая группа отправляется с вымпелом, факелом и рюкзаками. И все члены группы должны прийти вместе и в назначенное время. «Мой директор, — продолжает господин Маэда, — в курсе всего. Мы ежедневно отправляем на работу письменный отчет».

Покорный господин Маэда

принялся яростно наверстывать несколько минут, украденных у упражнений. Позже я наблюдал, как он входил в комнату. Он кричал: «Разрешите, можно войти». Уходя, вопил: «Я уйду, если не возражаете». Он выполнял очередное упражнение, но я подумал, что если бы кто-нибудь вел себя так на французском предприятии, то его к полудню признали бы сумасшедшим. Немного позже я вновь увидел Маэду, он шагнул по краю озера. Прогулка? Нет, в этом месте даже прогулка не отдых, а упражнение. Он размышлял над заданием. Тема: «Хлеб, молоко и работа». Для того чтобы набрать нужное количество баллов, необходимо объяснить важность первого завтрака. Дело в том, что в Токио и в Йокогаме, случается, «кадры» ложатся спать слишком поздно: посещают дискотеки, пьют, а по утрам чувствуют себя уставшими. Это сказывается на эффективности работы. Вред подобного образа жизни надлежит продумать и объяснить во время экзамена по устной речи, стоя при этом на коленях. Обычно на экзаменах «кадры» разражаются слезами. Под давлением страха, избытка усердия.

Но самое страшное — «Испытание на станции», быть может, потому, что оно резко контрастирует с японскими традициями, с японской сдержанностью: нужно «всего-на-

всего» отправиться на станцию в часы «пик» со знаменем школы в руках и спеть гимн предприятия. Я пошел туда под вечер с господином Мисанори, 36 лет: «Сначала публика принимала нас за сумасшедших. Сейчас нам улыбаются, нас подбадривают».

Успехи тем не менее не гарантируют от приступов уныния, от подавленности. Начинали курс 130 человек, в конце осталось 113. Один сбежал в первый же день, другой — к вечеру четвертого, но вернулся через неделю: что он делал в промежутке — неизвестно. Третий прямо-таки улетучился: однажды утром он пошел бриться, и только его и видели.

Ну а господин Нурисава не устал, не чувствует себя подавленным. Ему 26 лет, и он лучший ученик школы. Я застал

его стоящим на коленях на террасе, он плакал. От радости, так как все поздравляли его с отличными результатами. Когда я сказал ему, что для постороннего взгляда некоторые упражнения могут показаться слишком уж «военными», он посмотрел на меня с удивлением: «У нас и в мыслях ничего такого нет».

Тем не менее, похоже, у создателей института «такое» в мыслях было: не зря ведь он построен на природе, подобно японским офицерским школам. Мои японские друзья подтвердили мои предположения: «Кое-кто хочет опять возродить прежний милитаристский дух, готовя в подобных школах особое поколение служащих — людей без личности, готовых беспрекословно подчиняться любым приказам».

Перевела с французского
Е. ЛИВШИЦ

(«Пари-матч», Франция)

**ЭТО ХОРОШО
«СКАЗЫВАЕТСЯ
НА ЛИНИЯХ»!**

Криста КЕЛЬБЛИНГЕР,
Ута КЕНИГ,
западногерманские журна-
листы

В одном из отелей Оксфорда на торжественный ужин с изысканными винами и икрой собрались дамы высшего света. При этом произошло нечто ужасное, отчего присутствовавшие на ужине джентльмены лишились аппетита: представительницы слабого пола явились в брюках. Было это летом 1897 года. Сотни женщин-велосипедисток пришли в «одежде эмансипации». «Вечер в брюках» был вершиной их протеста против длинных, тяжелых юбок, против затрудняющих дыхание корсетов, против узких зашнурованных ботинок — одним словом, против господствовавшей в те времена моды, превращавшей в пытку даже короткую прогулку в парке.

Для женщин, облаченных в одежду со множеством кнопок, пуговиц и костяных пластинок, велосипед могли и не изобретать: пышные юбки то запутывались в спицах колес, то превращались при движении в парашют. Но в конце XIX века велосипед стал особенно популярным, и женщины не могли больше оставаться в стороне. Они облачили

в брюки и под насмешки сильного пола отвоевали себе кусочек свободы. Свободы движения. Правда, позволить себе это могли только богатые дамы. Простой работнице для покупки велосипеда потребовалось бы несколько месячных зарплат.

Занятия спортом считались неприличными не только для взрослых женщин. Девочкам нечего было делать в спортивных залах гимназий. Им разрешалось только водить хороводы и танцевать. Это «хорошо сказывалось на линиях».

Сто лет назад ученые обоих полов до ломоты в пальцах писали трактаты, пытаясь доказать, что занятия спортом не вредны ни для здоровья, ни для внешности женщин. Но тщетны были усилия ученых. До первой мировой войны сама мысль о женщине-спортсменке внушала ужас. Женщин принимали в спортивные общества для вышивания клубных знамен и для вручения цветов победителям.

В 1914 году немецкие епископы заявили, что женские спортивные праздники

«уменьшают любовь к домо-водству». Их мнение по вопросам морали совпадало с мнением официальных властей Германии, о чем свидетельствует полицейское предписание от 1909 года: «На соревнованиях женщин по плаванию зрители мужского пола должны находиться на расстоянии не менее 300 метров от места проведения соревнований».

Но в начале 20-х годов, в новых экономических, социальных условиях, появилась необходимость в другом типе женщин: не изнеженная, нуждающаяся в защите салонная дама, а женщина выносливая, работоспособная. От нее требовалось нечто невероятное: быть сильной, энергичной и самостоятельной.

В расписаниях женских гимназий постепенно начинают появляться уроки физкультуры, включающие бег, прыжки, плавание. Женщины сплотились и организовали свои спортивные общества, где они играли в футбол, хоккей, занимались греблей и туризмом.

Во времена Веймарской республики (1919—1933 годы.— Р.) число женщин-спортсменок превышало миллион. Все больше и больше работниц становилось членами спортивных и гимнастических обществ и клубов. В 1921 году по инициативе французов был создан Международный женский спортивный союз.

Когда Международный олимпийский комитет, в состав которого входило несколько десятков мужчин и ни одной женщины, отказался включить соревнования женщин по легкой атлетике в программу Олимпийских игр, спортсменки организовали свои собственные. К 1928 году число стран — участниц Международного женского спортивного союза увеличилось до 20. В конце концов, МОК был вынужден «в качестве пробы» разрешить соревнования женщин по легкой атлетике в рамках олимпийской программы.

Даже в считающихся сегодня исключительно мужскими видами спорта уже в начале века были замечены первые женщины. Стоит вспомнить хотя бы графиню Ламберт, побеждавшую мужчин в прыжках на лыжах с трамплина с 1908 по 1912 год. Прыжки ее достигали 30 метров, несмотря на то, что прыгала она в длинной юбке. Участвовали женщины и в полетах на воздушных шарах, занимались парашютным, велосипедным, конным спортом. Так что все лишь вопрос времени. Скоро мужчины-спортсмены будут иметь конкуренток на самой длинной и трудной легкоатлетической дистанции: в 1984 году на Олимпийских играх в Лос-Анджелесе в марафонском беге примут участие и женщины.

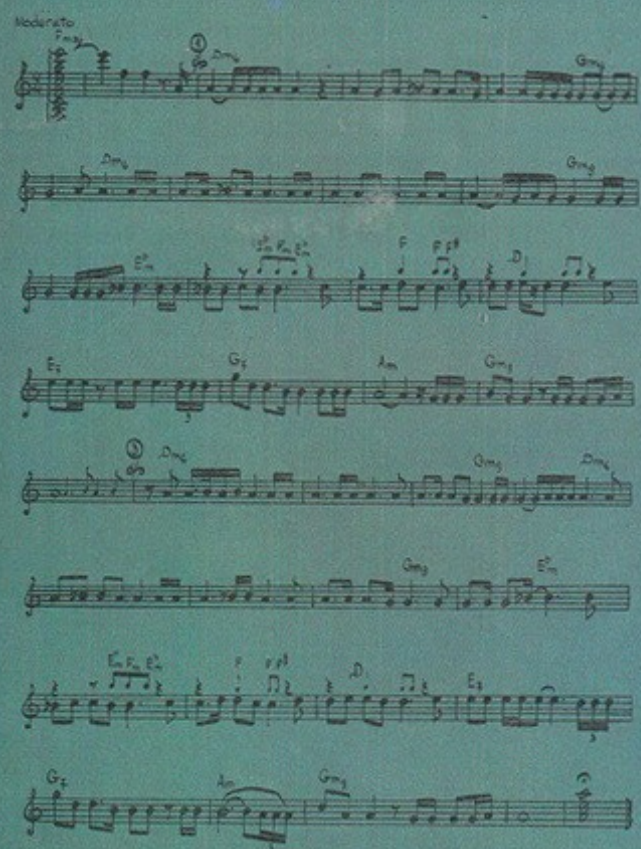
Перевела с немецкого
С. КАВТАРАДЗЕ

(«Штерн», ФРГ)

В этом номере вы прочтете материал о выдающемся французском поэте, композиторе, певце Жаке Бреле. Мы публикуем одну из его антивоенных песен. Аранжировка Б. Кадочникова, русский текст Ю. Денисова.

1. И вот — сигналы горна.
Мы строевой колонной
Выходим на перроны
И ждем судьбы покорно.
И вот уж поезда
Дрожат, как в лихорадке,
Пред тем как без оглядки
Умчат нас в никуда.
И вот в толпе слышны
Рыдания матерей.
Мы глупостью своей
На смерть обречены.

Припев:

Голубка ранена,
Чуть шевелит крылом.
Голубка ранена,
И мы ее добьем.

2. И вот наш пробил час,
Час окончания детства.
Нам никуда не деться —
Он роковой для нас.
Набит наш эшелон,
И вот он в путь готов,
Всех нас — почти юнцов —
Сквозь ночь доставит он
Туда, где впереди
Огонь и пепелища,
Где ждут солдат кладбища,
Где льют всегда дожди.

Припев.

3. Когда схоронят нас,
Зачем нам монументы,
Венки, салюты, ленты
И ложь готовых фраз?
Зачем! Ведь все равно:
Триумф или поражение —
Блистать не нам на сцене.
Платить нам суждено.
Сожгут траву и хвою,
В прах обратят леса,
Померкнут небеса,
И станет солнце тьмою.

Припев.

4. А ты, ты, дорогая,
Своих ты слез не прячешь,
Зачем же ты так плачешь,
Мне вслед платком махая!
И вот твою фигуру
В толпе не вижу я.
Прощай, любовь моя.
Кричу среди сумбура:
«Прощай!» Как ни зови,
Ты будешь далека.
Проходят облака.
Уходит тень любви.

Припев.

1. Pourquoi cette fanfare
Quand les soldats par quatre
Attendent les massacres
Sur le quai d'une gare
Pourquoi ce train ventru
Qui ronronne et soupire
Avant de nous conduire
Jusqu'au malentendu
Pourquoi les chants les cris
Des foules venues fleurir
Ceux qui ont le droit de partir
Au nom de leurs conneries.

Припев:

Nous n'irons plus au bois
La colombe est blessée
Nous n'allons pas au bois
Nous allons la tuer.

2. Pourquoi l'heure que voilà
Où finit notre enfance
Où finit notre chance
Où notre train s'en va
Pourquoi ce lourd convoi
Chargé d'hommes en gris
Repeints en une nuit
Pour partir en soldats
Pourquoi ce train de pluie
Pourquoi ce train de guerre
Pourquoi ce cimetière
En marche vers la nuit

Припев:

3. Pourquoi les monuments
Qu'offriront les défaites
Les phrases déjà faites
Qui suivront l'enterrement
Pourquoi l'enfant mort-né
Que sera la victoire
Pourquoi les jours de gloire
Que d'autres auront payés
Pourquoi ces coins de terre
Que l'on va peindre en gris
Puisque c'est au fusil
Qu'on éteint la lumière

Припев:

4. Pourquoi ton cher visage
Dégrafé par les larmes
Qui me rendait les armes
Aux sources du voyage
Pourquoi ton corps qui sombre
Ton corps qui disparaît
Et n'est plus sur le quai
Qu'une fleur sur une tombe
Pourquoi ces prochains jours
Où je devrais penser
A ne plus m'habiller
Que d'une moitié d'amour

Припев.